

Pecher, André: Friedrich Oskar Ruge. Lebenswelt, Rolle und Selbstverständnis eines Marineoffiziers von 1914 bis 1945. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021. – 508 S. – ISBN 978-3-11-063350-4

Пешер, Андре: Фридрих Оскар Руге: жизненный путь, роль и самосознание офицера флота в 1914-1945 гг. Берлин; Бостон: Вальтер де Гройтер, 2021. – 508 с. – ISBN 978-3-11-063350-4

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00028>

История военно-морских сил Германии и кадрового флотского офицерства всегда была изучена значительно менее основательно, нежели таковая у сухопутных войск и армейского командного состава. Тем важнее устранить этот не оправданный дисбаланс за счет ввода в научный оборот новых источников, а также с помощью новых работ, в том числе биографического жанра. Одним из безусловно существенных шагов в этом направлении является первая крупная биография вице-адмирала Ф.О. Руге авторства А. Пешера.

Выбор героя исследования оказался достаточно очевиден не только в связи с указанным выше общим недостатком работ по истории германского флотского офицерства, но и благодаря особенностям жизненного пути Руге, сделавшим его наиболее ценным объектом для многостороннего анализа эволюции командного состава сразу 4 флотов Германии за половину XX-го столетия. Репутация одного из основателей бундесмарине, первым инспектором которого он стал, принадлежность, пусть и периферийная, к военному крылу Сопротивления вокруг Э. Роммеля, богатое письменное наследие, участие в обеих мировых войнах – все это оправдывает внимание к фигуре вице-адмирала, ставшего отражением многих сложных и болезненных процессов в самосознании германской военной элиты. Однако благодаря такому внушительному набору привлекательных для исследователя черт сразу же возникает вопрос о том, возможно ли перенести на флотское офицерство в целом выявленные в данной работе тенденции в развитии мировоззрения и общественно-политических взглядов? Не лучше ли было обратиться к жанру коллективной биографии (например, как у Й. Хюртера о гитлеровских полководцах), позволяющей компаративные методы и подталкивающей к выводам о поколенческом, социальном, региональном и др. факторах в становлении германского флотского офицерства, едва успевшего превратиться в сколько-нибудь заметную социальную группу к 1914 г.? Без возможности оценить уникальность или типичность отмеченных у Руге черт, исследование о нем рискует превратиться в пересказ биографии с заведомо предугадываемыми выводами едва ли не оправдательного оттенка.

По-видимому, автор вполне осознавал возможные минусы и сложности избранного подхода, поэтому на протяжении всего исследования стремился рассматривать своего героя в окружении его сверстников и коллег, ставя проблему коллективной памяти о наиболее ярких событиях 1914-1945 гг., в которых Руге довелось принимать личное участие. Возможно, наиболее ярко трагедию его жизненного пути может описать тот факт, что по признанию самого вице-адмирала крупнейшим событием его жизни стала причастность к самозатоплению германского флота в Скапа-Флоу 21 июня 1919 г. (С. 77). Но прежде чем перейти к подробному описанию этого акта, действительно важнейшего для флотского офицерства, «обесчещенного» революцией в Киле, автор пытается показать становление

последнего поколения кадровых командиров кайзеровского флота, обращаясь к базовым работам по военной социологии. Так как их немного – следует отметить, в первую очередь, труды Х. Хервига и М. Эпкенханса – то обзор офицерства эпохи вильгельминизма и его молодого пополнения не содержит действительно новых выводов. Автор транслирует устоявшуюся картину мотивов и идейного климата в среде молодых людей, решивших посвятить себя «будущему Германии на морях» как раз накануне Великой войны. Руге оказался частью последнего довоенного экипажа, набора кандидатов в офицеры, который олицетворял собой недолгий пик надежд на дальнейший быстрый рост линейного флота, этой гордости и олицетворения единства империи, оказавшегося вскоре лишь памятником роскоши и амбициям вильгельмовской эры. С флотскими иллюзиями было покончено еще осенью 1914 г. Последовало ускоренное обучение, участие в нескольких выходах в море, закономерный перевод боеспособной молодежи на малые суда, лишивший Руге возможности побывать в единственном генеральном сражении на море Великой войны – при Скагерраке. Некоторой компенсацией за упущенный шанс навсегда обогатить биографию причастностью к быстро создаваемому Ютландскому эпосу стала операция «Альбион» по захвату Моонзундских островов в октябре 1917 г., ставшая самой крупной совместной операцией германских армии и флота, окончившейся сравнительно легкой победой. К сожалению, А. Пешер уделил и ей, и вообще боевым действиям 1914-1918 гг. очень мало внимания (3 страницы на опыт, важнейший в военной биографии), хотя это едва ли оправданно в жизнеописании кадрового офицера.

Безусловно интересно куда более подробное описание переломной для офицерства Кайзеррейха эпохи 1918-1921 гг., когда происходила болезненная ломка некоторых былых стереотипов, либо их восстановление вопреки пережитому и очевидному в условиях Версаля и Веймарской республики. Автору удалось дать по-настоящему необходимую и сравнительно полную картину становления рейхсмарине как особого военно-политического феномена в сложном балансе различных сил в веймарской Германии. «Версальский» флот побежденной страны вынужден был пройти едва ли не более сложный, чем у рейхсвера этап оптимизации любых ресурсов под жесткими ограничениями и без потери шансов на быстрое восстановление былой военно-морской мощи. Залогом этого должен был служить качественный рост командного состава, получавшего все более широкий опыт и ценные навыки как раз потому, что не было возможности выполнять заурядные обязанности вахтенных офицеров. Не менее успешно А. Пешер справился и с описанием расцвета карьеры Ф.О. Руге, начавшегося в 1932 г. и почти точно совпавшего с периодом довоенного Третьего рейха. Он вполне убедительно демонстрирует умеренно-позитивное восприятие «очередного» правительства, от которого ожидали лишь несколько большей стабилизации, без особенных ожиданий от личности Гитлера, не производившей впечатления на далеких от окопной романтики и митингового красноречия морских офицеров. Нейтральное отношение к Гитлеру могло смениться прямо враждебным в случае дальнейшего дистанцирования Гинденбурга, как непререкаемого лидера нации, от любых альянсов с НСДАП (С. 188-195). Однако в январе 1933 г. был сделан иной выбор. Наряду с большинством коллег Руге мог только приветствовать политические комбинации, которые позволят Германии решительно освободиться от «версальского диктата», тем более если они будут облечены в должную символическую форму («день Потсдама» и др.), а в этом, как известно, нацисты оказались весьма убедительны. В тщательном прослеживании многогранности биографии и характера своего героя А. Пешер не раз приходит к выводу об уникальности его опыта, что вновь ставит проблему противоречия между избранным жанром и задачей анализа морского офицерства в целом.

Самая крупная и очевидно главная по замыслу автора глава посвящена деятельности Ф.О. Руге в годы Второй мировой войны. А. Пешер далек от стремления к огульному оправданию высшего флотского офицерства и достаточно последовательно разоблачает ряд мифологем, создаваемых Э. Редером, К. Дёницем и др. в послевоенное время (см., напр. С. 268-271). Благодаря своим языковым навыкам Руге оказался чрезвычайно ценным

специалистом при координации действий флотов Италии и Германии, что позволило ему лично участвовать в ряде не самых известных, но безусловно значимых эпизодов Второй мировой войны в Средиземноморье, особенно в 1943 г. При всем внимании автора к деятельности Руге в штабе Роммеля, важнейший вывод все же сводится к тому, что по-настоящему серьезный поворот в политических воззрениях Руге произошел лишь после высадки войск антигитлеровской коалиции в Нормандии (С. 372-373), что многое говорит не только о будущем создателе бундесмарине, но и военном крыле Сопротивления в целом. Объем написанных впоследствии именно на эту тему работ Руге лишь подтверждает последовательность между вторжением 6 июня 1944 г. и «прозрением». Военная карьера вице-адмирала успешно развивалась и после событий 20 июля 1944 г., и после замаскированной казни Роммеля, так что финальный приговор нацистскому режиму Руге вынес лишь 1 мая 1945 г., пытаясь остаться в рамках беспристрастного анализа эффективности руководства (С. 396-399). Глава о послевоенной биографии Руге по признанию самого Пешера «не принадлежит к сфере интересов данной работы» (С. 409), представляя собой очевидный эпилог к действительно насыщенному жизненному пути. А. Пешер совершенно оправданно воздерживается от сравнительно хорошо изученного материала по истории перевооружения боннской ФРГ в пользу большей концентрации на эпохе мировых войн. Куда более его интересует публицистическая деятельность вице-адмирала в отставке, что позволило автору вновь продемонстрировать глубокую фундированность работы, основанной на письменном наследии Ф.О. Руге.

Помимо небольших фактических неточностей, из недостатков следует отметить не только далеко не исчерпывающую историографию по богатейшему набору затрагиваемых в этой биографии тем. Избранная для рассмотрения фигура оказалась слишком крупной для того, чтобы ее корректно было старательно оберегать от поистине широкого контекста событий, свидетелем и актором которых был Ф.О. Руге. В частности, совершенно не затрагивается воздействие опыта Русской революции на мятежи в германском флоте в 1917-1918 гг. (С. 75-76), что так любили подчеркивать в советской и восточногерманской историографии, и не без оснований. При блестящем анализе символики и мифотворчества вокруг «героического» самозатопления Флота Открытого моря без фона из иных событий, происходивших накануне подписания Версальского мира, нет возможности оценить истинные масштабы риска, на которое пошло – возможно, также не вполне осознанно – руководство флота и те, кто в Киле и Берлине тайно поддерживал его в замысле уничтожения эскадры. На протяжении всей книги не раз возникает ощущение, что автор не столько реконструирует взгляды своего героя, сколько подбирает только те факты и цитаты, что необходимы для иллюстрации желаемого направления его идейной эволюции – от безусловно верного кайзера и воинственного молодого лейтенанта к глубоко осудившему нацистскую экспансию пожилому вице-адмиралу. Более того, на этом основании делается вывод о типичности именно такой, «единственно верной» трансформации самосознания представителей того поколения, которому довелось принять по-настоящему активное участие в обеих мировых войнах. Достаточно интересные сюжеты, подробно рассмотренные автором по ходу биографии (восприятие Ноябрьской революции, отношение к Версальскому миру, участие в Капповском путче и т.д.), не только не подтверждают искомые для А. Пешера тенденции, а порой подталкивают к противоположным выводам – о чрезвычайной устойчивости многих воззрений, полученных еще в годы первичного обучения в «экипаже 14-го». Это частично признает и сам автор, отмечая, что его герой и в 1960-е гг. продолжал усилия по «реабилитации» флота за революционные события (С. 73), воздействуя на тональность публикаций трудов бывшего Маринearchива. Для того, чтобы не отклониться от настойчиво реконструируемого в «нужном» направлении развития мировоззрения Ф.О. Руге, автор оказался вынужден сложно реинтерпретировать многие факты, описанные в автобиографиях его героя и его многочисленных единомышленников среди коллег – например, членов бригад Эрхардта и Лёвенфельда, – демонстрируя преходящесть этого эпизода в его жизни (С. 111-119). В

действительности большинство членов «морских бригад» многие годы составляли особую группировку даже в рамках «аполитичного» рейхсмарине, поддерживая оживленные связи с бывшими командирами, даже если те по политическим причинам были лишены шанса получить место в вооруженных силах Веймарской республики. При заявленном стремлении продемонстрировать внутренний мир и самосознание морского офицерства эпохи мировых войн А. Пешер порой слишком заметно увлекается политической историей, подаваемой так, чтобы его героя ни в коей мере не заподозрили в неприемлемых по сегодняшним меркам политических симпатиях, хотя это некорректно с точки зрения причинно-следственных связей. В этом он не только критически анализирует утверждения самого Руге (см., напр. С. 208-211), но порой неосознанно следует им в пересказе. Подобные примеры заставляют с осторожностью отнестись к аналитической ценности проделанной работы при ее безусловной важности для изучения флотского германского офицерства на основе источников личного происхождения. Книга А. Пешера может и должна стать первым необходимым слоем историографии по избранной тематике, призванной наконец заместить мемуаристику, сохраняющую значение до тех пор, пока не проведено подлинной историзации событий эпохи мировых войн и в данном, военно-морском, аспекте.

Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914-1946 / hrsg. von W. Baumgart, Mitw. von G. Astamadze. Paderborn: F. Schöningh, 2020. – 742 S. – ISBN 978-3-506-70344-6

Фридрих барон Кресс фон Крессенштейн: баварский генерал и знаток Востока. Воспоминания, дневники и доклады 1914-1946 / Под ред. В. Баумгарта, при содействии Г. Астамадзе. Падерборн: Ф. Шёнинг, 2020 – 742 с. – ISBN 978-3-506-70344-6

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00027>

Крупный издательский проект выдающегося историка и признанного специалиста по германской политике на Востоке в эпоху мировых войн В. Баумгарта посвящен письменному наследию баварского генерала Ф. Кресса фон Крессенштейна, сыгравшего важную роль в становлении современной грузинской государственности. Неслучайно партнером по подготовке публикации выступил специалист именно по этой тематике Г. Астамадзе, хотя перечень исследовательских проблем, для решения которых окажется крайне ценным это издание, выходит далеко за пределы не только Грузии, но и Закавказья в целом, а ряд затрагиваемых Крессом порой лишь намеками вопросов связан с историей не Первой, а скорее Второй мировой войны, а также межвоенного периода в истории по меньшей мере Германии.

Благодаря своему большому и постоянно растущему опыту публикатора В. Баумгарт продолжает высокими темпами пополнять корпус важнейших исторических источников по широкому кругу вопросов германской политики на Востоке (в Российской империи, СССР и на национальных окраинах) и истории дипломатии Германии первой половины XX столетия. Очередная его работа содержит целый ряд никогда не публиковавшихся, либо так и не востребованных в должной мере материалов по истории деятельности баварского офицера в Османской империи и в Закавказье в годы Первой мировой войны. Книга содержит тексты различных типов, в том числе написанные на склоне лет и подвергшиеся изрядной обработке под влиянием реалий 1930-40-х гг. мемуары. Они хранились в музее в Нюрнберге и, к сожалению, так и не увидевшие свет ранее, за 70 лет, прошедшие со дня смерти генерала в 1948 г. Это тем более бросается в глаза, что воспоминания отставного генерала от артиллерии не имели никаких шансов на публикацию в Третьем рейхе из-за их резко критического тона в отношении лично А. Гитлера (см., напр. С. 245-248 и др.). Странно, что столь востребованный для иллюстрации оппозиционных настроений в германских элитах в годы нацистской диктатуры источник не нашел публикатора раньше. Возможно, виной тому резко отрицательное отношение Кресса фон Крессенштейна и к Нюрнбергскому процессу, и к оккупации Германии всеми державами-победительницами, и к возможной схватке между США и СССР (С. 287-288). Без данного проекта эти бумаги, пролежавшие в одном из региональных музеев несколько десятилетий, едва ли когда-нибудь стали доступны зарубежным исследователям.

В предисловии к изданию В. Баумгарт не только дает краткий обзор военной карьеры генерала и необходимые пояснения к ценности публикуемых материалов, но и оговаривается, что не стал публиковать около четверти воспоминаний своего героя, имеющих, по его мнению, лишь «узко биографический интерес» (С. 9), всего около 120 страниц оригинала машинописи. Они касаются довоенных лет жизни генерала (до конца 1913 г.), а также его пребывания на пенсии с 1929 до конца 1930-х гг. Исходя из

опубликованной части текста мемуаров об этом сокращении можно лишь пожалеть, ведь Кресс фон Крессенштейн явно неплохо владел пером, чрезвычайно компактен и убедителен в описаниях тех лиц, с кем ему доводилось встречаться и работать, а кроме того сохранил вполне самостоятельное и далекое от пропагандистского угара отношение к многим болезненным для бывших кайзеровских офицеров проблемам германской политики эпохи Веймарской республики и Третьего рейха.

При всех оправданных оговорках в адрес мемуаров как жанра приходится усомниться в том, что недостающие в данной публикации 1-я и 4-я часть действительно едва ли стоили их публикации. Разумеется, до некоторой степени их отсутствие компенсирует данный В. Баумгарт очерк биографии Кресса (С. 13-46), однако едва ли он может возместить первоисточник. И все же публикуемая основная часть воспоминаний (более 270 страниц текста книги) производит впечатление достаточно целостного полотна, в том числе благодаря тому, что содержит авторские комментарии и объяснения по ряду политических и личных мотивов, воздействовавших на публикацию им книги о двух походах германо-турецких войск к Суэцкому каналу, вышедшей в 1938 г. и вызвавшей заметный интерес. Помимо узко военно-исторических деталей и эта книга, и позднейшие оговорки относительно нее автора (см., напр. С. 78-80) позволяют не только уточнить представления о ходе кампании на одном из театров Великой войны, но и получить новые сведения о расстановке сил в младотурецкой верхушке, о ряде важнейших личных конфликтов между германскими и османскими деятелями, о нюансах организации и повседневности в армии Османской империи накануне и в ходе Первой мировой войны. Учет мнения и опыта такого ветерана германо-турецкого военного сотрудничества как Кресс заставляет иначе взглянуть на позицию и соображения лидеров созданной Кемалем Ататюрком новой Турции, особенно в конце 1930-х гг. и в годы новой тотальной войны.

Роль генерала Кресса фон Крессенштейна в истории Веймарской республики – судя по тексту мемуаров, лишенных всякой амбициозности их автора – нуждается в переоценке. Для этого достаточно указать на занимаемые им высокие и во многих отношениях ключевые посты в военной иерархии во время Капповского путча 1920 г. и Пивного путча 1923 г. И сам Кресс, и публикатор его наследия снабдили воспоминания необходимыми приложениями, из которых видны многие детали восприятия генералитетом места созданного Г. фон Сектом рейхсвера в расстановке сил в Веймарской республике. На пике своей карьеры, в 1928-29 гг. баварец занял третье место в иерархии вооруженных сил Веймарской республики, став командующим одной из двух его войсковых групп. Он был вынужден уйти в отставку всего в 59 лет после скандала по личным обстоятельствам, который он обходит многозначительным молчанием (С. 217-218), хотя возможно именно этот случай заложил прецедент, позволивший позднее Гитлеру избавиться от неугодного ему руководства вермахта в лице В. фон Бломберга и В. фон Фрича. Таким образом, мемуары Кресса будут ценны и для исследователей внутреннего климата в рейхсвере, весьма популярной ранее в мировой историографии проблемы. Наконец, интерес для исследователей трагедии германского общества в финале Второй мировой войны и в годы иностранной оккупации представляет финальная часть воспоминаний, записанная в 1945-46 гг. и ставшая ярким, начисто лишенным позитивных эмоций описанием страны, пережившей вторую за 30 лет катастрофу.

Следующая часть книги – 280 страниц – это крайне интересные своей аутентичностью и потому резко отличающиеся содержательно от опубликованной в 1938 г. книги дневники Кресса фон Крессенштейна в основной период его пребывания на Палестинском фронте. К сожалению, они сохранились лишь частично (например, их нет за период с конца 1916 по начало 1919 гг.), а публикатор счел необходимым сократить объем издания за счет той части, что касалась событий 1914 года, начав свое издание с 1 января 1915 г. и доведя до 15 октября 1916 г. В. Баумгарт справедливо подчеркивает (С. 10) ценность данного источника сразу в нескольких аспектах истории Великой войны, включая историю ментальностей, культурную историю, историю повседневности и наконец историю германо-турецких

отношений. Эту часть издания можно считать наиболее важной для исследователей истории Ближнего Востока в первой четверти XX в., а также для специалистов по военно-исторической тематике. Отдельно следует отметить громадную работу, проведенную В. Баумгартом ради обеспечения дневников поистине незаменимым для читателя аппаратом из кратких пояснений, особенно биографического характера.

Завершает сборник материалов по деятельности Кресса фон Крессенштейна подшивка его донесений с Кавказа рейхсканцлерам Германской империи и главам ее внешнеполитического ведомства в 1918-19 гг. Несмотря на активное использование исследователями именно дипломатических архивов Германии (РА АА), до сих пор подобного собрания материалов, крайне насущного для любого специалиста по истории закавказских стран в годы становления их государственности в 1918-1921 гг., не было. Только отчет Кресса о его миссии в Грузии был опубликован ранее благодаря Гёте-институту, а теперь приводится в серийном сборнике документов, посвященном билатеральным германо-грузинским отношениям. Для лучшего его понимания был необходим контекст, что и обеспечивает финальная часть данной книги. Более 100 страниц текста важнейших сведений и запросов от германского эmissара в Тифлисе были выявлены в различных фондах РА АА и представляют собой недостающую до сих пор часть сложного полотна событий, выстраиваемого в течение столетия усилиями советских, восточно- и западногерманских, британских, грузинских, армянских, азербайджанских и турецких историков. Ценность их видна по меньшей мере из того факта, что Крессу пришлось стать во многих отношениях первооткрывателем Грузии и всего Закавказья, как особого политического региона и поля для экономических проектов. Сам он придавал огромное значение своим усилиям и их результатам, пусть и недолговечным, гневно осуждая Гитлера за неумение воспользоваться ими в годы Второй мировой войны (С. 162-163).

Подбирая эти материалы, публикатор опирался на свой же, полувековой давности опыт реконструкции сложнейшего военно-политического конфликта из-за контроля над Баку, а затем и Каспием летом-осенью 1918 г., также сопровождавшегося публикацией массива первостепенной важности источников. На основании ряда недавно реализованных В. Баумгартом проектов по публикациям документов, объединенных личностью их автора и адресата (Р. Надольны, Т. фон Бетман-Гольвега, К. Лерснера), можно с уверенностью говорить, что именно такие, «личные», сборники документов дают куда более контрастную, многогранную и порой более точную картину ряда военно-политических событий эпохи мировых войн, чем подборки официозных нот и заявлений, в традиционных изданиях жанра, заложенного еще «цветными книгами» или «Большой политикой европейских кабинетов».

Издание снабжено компактным и в целом достаточным для предполагаемой подготовленной аудитории научно-справочным аппаратом. В целях максимальной его содержательности В. Баумгарт и его партнер по-видимому намеренно отказались от иллюстративных материалов в пользу текста (есть лишь одна схема театра военных действий, из книги 1938 г.). Однако это едва ли можно считать недостатками данной объемной (740 страниц) книги. Скорее, наоборот: по итогам ознакомления с нею остается лишь пожалеть, что авторы проекта не стали выпускать 2-томное и уже действительно полное издание воспоминаний, дневников и докладов Кресса фон Крессенштейна, хотя, судя по указателю архивных источников, им не приходилось жаловаться на недостаток релевантного для более масштабного издания материала. Хочется надеяться, что востребованность этого сборника материалов у специалистов из разных стран окажется достойной его ценного содержания, что поспособствует урегулированию ряда продолжающихся конфликтов в Закавказье для начала усилиями научного сообщества.

Schwinn, Thomas: Soziale Ungleichheit in differenzierten Ordnungen. Zur Wechselwirkung zweier Strukturprinzipien. Tübingen: Mohr Siebeck, 2019. – VI, 275 S. – ISBN 9783161558740

Швинн, Томас: Социальное неравенство в дифференцированных порядках: к вопросу о взаимовлиянии двух структурных принципов. Тюбинген: Моп Зибек, 2019. – VI, 275 S. – ISBN 9783161558740

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00026>

Автор рецензируемой здесь книги – Томас Швинн – профессор общей социологии Института социологии имени Макса Вебера Гейдельбергского университета. Помимо работ по социологической теории и веберовскому наследию¹, он известен также своими исследованиями социального неравенства в современных обществах. Среди релевантной библиографии ученого есть несколько значимых трудов на стыке теории дифференциации и теории социального неравенства, соединяющих обе социологические традиции в одно макросоциальное описание и объяснение базовых общественных структур². Поскольку часто эти подходы игнорировали эвристические достижения друг друга, социолог пытается перебросить концептуальные мосты между ними как на уровне теории, так и на уровне эмпирики³. При этом он фиксирует склонность исследователей неравенства к системно-теоретическим описаниям в духе К. Маркса, тогда как теория дифференциации методологически опирается в основном на теорию действия в духе М. Вебера. В своих сочинениях Швинн показывает продуктивность одновременного изучения обоих тематических комплексов, позволяющего более адекватно анализировать многие макропроблемы 21 века, например, вопросы управляемости современных обществ, социальной (дез)интеграции и глобального измерения социального неравенства. Одна из его работ на тему национального и глобального неравенства была отмечена со стороны World Society Foundation⁴.

¹ В предыдущем выпуске журнала рецензий Германского исторического института в Москве была опубликована наша рецензия на изданный Т. Швинном том, крайне важный для мирового сообщества исследователей творчества М. Вебера: *Кильдюшов О. В.* Рецензия на книгу: Schwinn, Thomas und Albert, Gert (Hrsg.): *Alte Begriffe – Neue Probleme: Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Problemstellungen*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016 // Rezensionen zur internationalen Forschung zur russischen und deutschen Geschichte – Rezensionsreihe des DHI Moskau. 2020. Т. 11. https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00003953?fbclid=IwAR0v1da1xAyabpXEiVJp7bEdUaKnG7bMeyy4crtxHp3nA8tpoG63M8nn9IE

² Schwinn Th. *Differenzierung ohne Gesellschaft. Umstellung eines soziologischen Konzepts*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001; Schwinn Th. (Hrsg.): *Differenzierung und soziale Ungleichheit. Die zwei Soziologien und ihre Verknüpfung*. Frankfurt a. M.: Humanities Online, 2004; Schwinn Th. *Soziale Ungleichheit*. Bielefeld: transcript, 2007; Schwinn Th., Greve J., Kroneberg C. (Hrsg.): *Soziale Differenzierung: Handlungstheoretische Zugänge in der Diskussion*. Wiesbaden: Springer VS, 2011.

³ Швинн Т. Социальное неравенство и функциональная дифференциация: возобновление дискуссии / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002. (Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т.V. Спецвыпуск). С. 245-267.

⁴ Schwinn Th. *Nationale und globale Ungleichheit* // Berliner Journal für Soziologie. 2008. Vol. 18. № 1. S. 8-31.

Как указывает подзаголовок рецензируемой здесь книги, автор исходит из существования двух тематических комплексов в классической и сегодняшней социологической теории – неравенство и социальная дифференциация. Однако до сих пор эти феномены обычно рассматриваются социальным знанием как бы независимо друг от друга. Для Швинна эта ситуация кажется неудовлетворительной именно по предметным и концептуально-методологическим причинам: он рассматривает оба явления современной социальной жизни в неразрывной связи, убедительно показывая, как структуры неравенства и институциональная дифференциация взаимно обуславливают друг друга. Продуктивность такого комплексного подхода к проблеме он демонстрирует на широком историческом материале – начиная с перехода от феодальных сословий к классам эпохи модерна, через распад традиционных социальных сред в процессе индивидуализации и вплоть до воспроизводства структур неравенства через институциональную дифференциацию на различных уровнях. В своем сочинении исследователь выявляет множество измерений неравенства современного типа в рамках таких макрогрупп, как класс, этнос или пол. Отдельно он затрагивает такую амбивалентную тему, как принцип меритократии, а также устанавливаемую государством рамку нормативного порядка стратификационных структур, которая отсутствует на уровне глобального неравенства.

В своем исследовании профессор Швинн развивает заявленный в предыдущих работах комплексный подход к изучению социального структурирования современных обществ, охваченных процессом функциональной дифференциации. Его пафос направлен против попыток установить жесткий примат одной из дифференцирующих форм, поскольку в таком случае другие формы оказываются вторичными или вовсе не учитываются при анализе современной социальности. Так, если теоретики классового расслоения и исследователи неравенства обычно игнорируют специфику таких автономных сфер жизни, как право, искусство или наука, то сторонники теории социальной дифференциации часто недооценивают возникающие в результате этого процесса эффекты на уровне распределения статусов и представленности различных интересов.

Содержательно книга состоит из введения и четырех тематических разделов, каждый из которых в свою очередь включает в себя три проблемных статьи. Несмотря на первоначальное обращение к эпохе Средневековья с ее сословиями и цехами, во всех эссе неравенство так или иначе помещается в контекст структурно дифференцированных обществ позднего модерна. В этом смысле ведущий познавательный интерес автора лежит не столько в области социальной истории, сколько явно в сфере социологического диагноза нашей собственной эпохи. Это подтверждается и тем, что наряду с классической проблематикой социальной стратификации Швинн также затрагивает «новые неравенства», в том числе на глобальном уровне. При этом методологически работа построена на критическом анализе альтернативных интерпретаций данных феноменов, выдвинутых как классиками, так и нынешними исследователями.

Первая часть книги называется «Дифференциация и неравенство: необходимость дебатов» и объединяет три эссе, посвященные именно структурному и концептуальному соотношению феноменов общественной дифференциации и социального неравенства» (S. 9-72). Во втором разделе «Инклюзия, эксклюзия и интерсекциональность» обсуждаются конкретные механизмы опосредования между институциональными порядками и социальными структурами, рассмотренные из различных теоретических перспектив (S. 73-124). Третий блок текстов под заголовком «Нормативные и институциональные предпосылки социального неравенства» посвящен вопросу, какую роль государственный порядок и основания его культурной легитимации играют во взаимодействии двух социальных динамик – дифференциации и неравенства (S. 125-186). И, наконец, в

заключительных трех параграфах разбираются конкретные гипотезы современных исследователей, представляющие интерес для выяснения соотношения двух форм структурирования западных обществ 21 века.

В большинстве статей авторская линия аргументации основана на критике подходов, концептуально ориентирующихся на теорию систем или теорию дифференциации в духе выдающегося немецкого социолога Никласа Лумана. Профессор Швинн убедительно показывает, что разного рода теории социальной дифференциации, исходящие из разделения современных обществ на оперативно замкнутые, самореферентные подсистемы типа экономики, политики или права, оказываются лишены эвристического инструментария для обнаружения и описания важнейших характеристик позднего модерна: они оказываются не в состоянии ухватить явно сохраняющиеся формы социального неравенства внутри этих функциональных систем и тем более выйти за их пределы. Важнейшим дефицитом такого рода социологического описания оказывается отсутствие перспективы на жизненное положение самих индивидов в рамках социальной структуры нынешних западных обществ.

По мнению многих критиков, вклад книги Т. Швинна в дискуссию о структурном измерении современной социальности заключается в тех вопросах, с помощью которых он пытается прояснить запутанную ситуацию с соотношением и взаимным влиянием процессов социальной дифференциации важнейших сфер и сохраняющимся неравенством внутри них. Опираясь на огромную традицию изучения обоих феноменов, являющихся центральными темами для социологии, автор анализирует различные идейные направления и исследовательские подходы к ним. При этом он отмечает смещения акцентов: если одни фокусируются на различии институциональных порядков современного типа, то других интересует прежде всего специфические последствия современной структуры общества, которая привилегирует и дискриминирует индивидов на основании различия их жизненного положения.

Столь амбициозное исследование «слепого пятна» в традиционном социологическом дискурсе модерна, который обычно замечает или усиливающуюся дифференциацию различных сфер, или сохраняющееся социальное неравенство, представляет интерес не только для углубления теоретического познания, но и для практического расширения перспектив действия в социальной политике и социальной работе.

Reckwitz, Andreas: Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne. – Berlin: Suhrkamp, 2019. – 305 S. – ISBN: 978-3-518-12735-3

Реквиц, Андреас: Конец иллюзиям: политика, экономика и культура в позднем модерне. – Берлин: Зуркамп, 2019. – 305 с. – ISBN: 978-3-518-12735-3

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00025>

Немецкий социолог Андреас Реквиц известен отечественному читателю лишь из вторых рук, так как на русский язык сами его труды еще не переводились, но были опубликованы рецензии на две его известные книги¹, а также реферат послесловия к его первой книге². Между тем автор рецензируемой здесь книги – профессор общей социологии и культурсоциологии Берлинского университета имени Гумбольдта – является не просто крупным социальным теоретиком в современном академическом ландшафте Германии, но и заметной в своей стране медиаперсоной. Так, он постоянно выступает в ведущих изданиях с интервенциями на важнейшие темы культурной повестки ФРГ. Его статьи и многочисленные интервью можно увидеть на страницах журналов «Шпигель» и «Штерн», газет «Ди Цайт» и «Франкфуртер Рундschau». Также он частый гость различных интеллектуальных программ на радио и телевидении. Как поясняет сам ученый, ему не интересно заниматься социологией для социологов, поэтому все его работы принципиально направлены на более широкую общественность³.

Начиная с первой докторской диссертации⁴, все труды исследователя выдержали несколько переизданий. Некоторые переведены на иностранные языки, среди которых: английский, датский, китайский, корейский, польский, турецкий, французский и японский. К сожалению, пока нет переводов на русский, так что остается надеяться, что в скором времени отечественные издатели исправят это досадное недоразумение...

Книги А. Реквица были отмечены престижными национальными премиями: так, его книга 2012 года «Изобретение креативности»⁵ получила очень статусную награду Биржевого союза немецкой книготорговли. А в 2014 году той же премии было удостоено его сочинение «Общество сингулярностей»⁶, к тому же получившее не менее значимую Баварскую книжную премию. За свои заслуги в социологическом просвещении в 2019 году профессор Реквиц получил главную научную награду Германии – премию имени Готфрида

¹ Куренной В. А. (2020). Общество сингулярностей и новые классы: культур-социология Андреаса Реквица // Logos Review of Books. 2020. № 1. С. 25– 27; Сувалко А. С. Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквица // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 305-322.

² Реквиц, А. Актуальные тенденции теорий культуры // Социологический ежегодник. 2010. № 1. С. 186-192. Социологический ежегодник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-rekvits-aktualnye-tendentsii-teoriy-kultury> (дата доступа: 01.10.21).

³ Например, см. его интервью швейцарскому телеканалу SRF: <https://www.srf.ch/play/tv/sternstunde-philosophie/video/andreas-reckwitz-die-extreme-gesellschaft-von-uns-einzigartigen?urn=urn:srf:video:a6f8be30-d95b-47af-bdb9-6916a5f0783d>

⁴ Reckwitz A.: Die Transformation der Kulturtheorien. Zur Entwicklung eines Theorieprogramms. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2000.

⁵ Reckwitz A.: Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung. Berlin: Suhrkamp, 2012.

⁶ Reckwitz A.: Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne. Berlin: Suhrkamp, 2017.

Вильгельма Лейбница в размере 2,5 миллионов евро – от Немецкого исследовательского сообщества DFG. Лауреатами этой премии являются выдающиеся исследователи в различных областях современного знания, тем самым социолог получил максимально возможное признание в рамках немецкой академии.

Стоит ли говорить, что вышедшая в 2019 году книга «Конец иллюзиям: политика, экономика и культура в позднем модерне» также сразу вызвала значительный интерес как внутри социологического сообщества, так и у широкой общественности Германии. К настоящему моменту она уже переиздана 7 раз и переведена на несколько языков! При этом после ее выхода поражающий своей работоспособностью профессор Реквиц успел выпустить еще две книги: переработанную версию своей монографии 2006 года «Гибридный субъект»⁷ и совершенно свежее исследование «Поздний модерн в кризисе».⁸

Обратимся теперь непосредственно к содержанию книги А. Реквица о конце иллюзий эпохи позднего модерна, в которой он развивает и уточняет основные идеи своих предшествующих работ. Структурно данный труд состоит из введения и пяти тематических эссе, посвященных различным аспектам или сегментам жизни нынешнего общества на Западе, а в тенденции – и всего глобального мира 21 века. В программном вступительном слове, имеющем подзаголовок «Настоящее без иллюзий» (S. 7-27), автор поясняет специфику своего социологического письма: все входящие в книгу статьи можно читать независимо друг от друга и в любом порядке в зависимости от интересов самих читателей. Могут подтвердить это, так как сам начал читать с пятого раздела, где говорится про новую политическую парадигму.

Однако краткое ознакомление читателя с идеями немецкого социолога начну все же с *первого* раздела «Культурные конфликты как борьба за культуру: гиперкультура и культурный эссенциализм» (S. 29-61). Здесь ученый исследует вопрос о том, насколько для позднемодерных обществ характерны конфликты за культуру и идентичность. Вопреки известному тезису С. Хантингтона о неизбежной войне *между* различными культурными регионами мира⁹, А. Реквиц предлагает радикально иной подход к данной проблематике и противопоставляет два принципиально противоположных способа обращения с культурой в современном мире. В случае первого подхода, который он называет *гиперкультурой*, индивиды получают форму для саморазвития, что на глобальном уровне приводит к усилению разнообразия на рынках смыслов. Напротив, в рамках второго подхода, именуемого им *культурным эссенциализмом*, культура понимается как определенное место или среда для сохранения коллективной идентичности сообществ. В этом тексте эссе автор пытается прояснить соотношение между этими формами процесса «культурализации», а также задается вопросом о возможности альтернативы, помимо мирного сосуществования или взаимного отторжения двух отличных версий культуры как враждебных миров.

Второе эссе имеет довольно длинное название, в котором содержится основной стратификационный тезис исследователя: «От нивелированного общества среднего класса к трехклассовому обществу: новый средний класс, старый средний класс, прекариат» (S. 63-133). Здесь А. Реквиц анализирует новую социальную структуру в западных странах, возникшую в результате дифференциации новых ключевых групп из массы прежнего среднего слоя эпохи индустриального модерна. Он показывает причины того, как в постиндустриальную эпоху в ходе взрывной экспансии высшего образования образовалась совершенно иная система социальных различий. Сверху теперь находится новый средний

⁷ Reckwitz A.: Das hybride Subjekt. Eine Theorie der Subjektkulturen von der bürgerlichen Moderne zur Postmoderne. (überarbeitete Neuausgabe von 2006 a mit einem neuen Nachwort). Berlin: Suhrkamp, 2020.

⁸ Reckwitz A., Rosa H.: Spätmoderne in der Krise. Was leistet die Gesellschaftstheorie? Berlin: Suhrkamp, 2021.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

класс хорошо образованных и мобильных жителей мегаполисов, которые в глазах ученого предстают базовой социальной средой для позднего модерна, а внизу – новый прекариат из числа занятого в секторе услуг пролетариата, все сильнее опускающегося на дно общества. Между ними пытается выживать традиционный средний класс, ориентированный на прежний социально-экономический порядок организованного модерна. Автор подчеркивает, что отношения классов друг к другу отныне определяются вовсе не различием в их материальном положении, а все больше зависят от культурных факторов вроде символического производства и потребления благ и ценностей.

Третий раздел книги также носит несколько громоздкий заголовок: «По ту сторону индустриального общества: поляризованный постиндустриализм и когнитивно-культурный капитализм» (S. 135-201). Соответственно он посвящен структурным изменениям капитализма на Западе. Если сегодня уже очевидно, что прежняя индустриальная экономика утратила свое основополагающее значение в Европе и Северной Америке, то по-прежнему остаются вопросы по поводу конкретного дизайна постиндустриальной экономики. Производимые новой системой хозяйства блага все чаще имеют признаки нематериальных ценностей, характерные для так называемого когнитивного капитализма. Подобная экономика знаний или культурный капитализм производят символические блага, смыслы и репутации, лично значимые для их индивидуализированного потребителя. При этом ученый отмечает значительную экономизацию всей сферы социальных отношений в результате ускоренной экспансии когнитивного капитализма в жизненный мир человека 21 века.

В *четвертом* эссе «Истоженная самореализация. Позднемодерный индивид и парадоксы его эмоциональной культуры» (S. 203-239) рассматривается проблематика культурно доминирующих жизненных форм, посредством которых сегодняшний субъект оказывается подвержен значительной динамике на уровне психики и в повседневной практике. Здесь А. Реквица интересуется ценой, которую приходится всем платить за попытку соединить несоединимое: с одной стороны, «романтическое» стремление к развитию себя, а с другой – вполне «буржуазные» цели вроде социального успеха. Исследователь указывает на дилемму сегодняшних жизненных практик, превращающих субъективное переживание и психическое удовлетворение в хрупкий масштаб успешной жизни. Он очень точно формулирует главный парадокс нынешней эмоциональной культуры: сегодня доминирует чрезмерная установка на позитивные переживания как цель жизни, тогда как ею никак не опосредуется обращение с негативным опытом – например, с теми неизбежными разочарованиями и неудачами, которые систематически производятся ею самой.

И, наконец, пятый текст – «Кризис либерализма и поиски новой политической парадигмы: от открытого либерализму к включающему либерализму» (S. 239-304) – обращается к повестке дня современных западных обществ, переживающих структурное ослабление значимости традиционных либеральных ценностей перед лицом усиливающего популизма как левого, так и особенно правого толка. По мнению ученого, нынешний кризис либерализма вызван той гипердинамизацией, которая происходит на Западе с 1980-х годов в результате синтеза неолиберализма с леволиберальными ценностями. А. Реквиц задается здесь вопросом о том, какие контуры мог бы принять «включающий либерализм», который мог бы прийти на смену парадигме тотальной дерегуляции и при этом предложить эффективную альтернативу популистским движениям.

Главный пафос книги может пониматься как призыв к интеллектуальной трезвости в условиях, когда текущая общественная ситуация уже не позволяет принимать на веру ни прежние нарративы о бесконечном прогрессе, ни впадать в крайний алармизм. Как

убедительно показывает профессор Реквиц в своем исследовании нынешних западных обществ, простые решения уже в любом случае невозможны, и лишь способность принимать и продуктивно работать с амбивалентными ситуациями может стать значительным преимуществом в условиях позднего модерна.

Müller, Hans-Peter: Max Weber. Eine Spurensuche. – Berlin: Suhrkamp, 2020. – 484 S. – ISBN: 978-3-518-29917-3

Мюллер, Ганс-Петер: Макс Вебер. В поисках следов. – Берлин: Зуркамп, 2020. – 484 с. – ISBN: 978-3-518-29917-3

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00024>

Ганс-Петер Мюллер принадлежит к числу ведущих социологов современной Германии. До недавнего времени он занимал престижную кафедру общей социологии Берлинского университета имени Гумбольдта. Его перу принадлежат полдюжины книг и более 200 статей в ведущих немецких и иностранных изданиях. Начиная с ранних работ, в центре его исследовательского интереса находится идейное наследие Макса Вебера: уже в первой своей книге 1981 года, посвященной господству в современных индустриальных обществах, он активно применяет веберовский понятийный аппарат и прежде всего концепт легитимности¹. В дальнейшем ученый неоднократно обращался к фигуре классика мировой социологии и даже написал объемное введение в корпус его работ². В своей последней книге о трансформации западных обществ, посвященной самым значимым социологическим диагнозам современной эпохи, исследователь также опирается на теорию рационализации Вебера³. Профессор Мюллер выступил редактором нескольких важных изданий, в том числе фундаментальных руководств по изучению идейно-теоретического наследия классиков социологии Макса Вебера⁴ и Георга Зиммеля⁵.

К сожалению, до сих пор сочинения автора не переводились на русский язык. Пока отечественному читателю доступен лишь краткий реферат одной из его книг⁶, а также у нас опубликованы отдельные статьи социолога, включая работы о ключевых для Макса Вебера понятиях «рациональность»⁷ и «ведение жизни»⁸. Несколько лет назад Г.-П. Мюллер дал крайне содержательное интервью одному из российских социологических журналов⁹.

Рецензируемая здесь книга написана автором к 100-летней годовщине смерти великого социолога, которая отмечалась научным миром 24 июня 2020 года. Работа выполнена в жанре интеллектуального расследования, который сам Г.-П. Мюллер

¹ Müller H.-P., Kopp M.: Herrschaft und Legitimität in modernen Industriegesellschaften. München: tuduv 1981.

² Müller H.-P.: Max Weber. Eine Einführung in sein Werk. Köln/Weimar/Wien: Böhlau Verlag, 2007.

³ Müller H.-P.: Krise und Kritik. Klassische soziologische Zeitdiagnosen der Moderne. Berlin: Suhrkamp, 2019.

⁴ Müller H.-P., Sigmund S. (Hrsg.): Max-Weber-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2014 (2. aktualisierte und erweiterte Auflage 2020).

⁵ Müller H.-P., Reitz T. (Hrsg.): Simmel-Handbuch. Begriffe, Hauptwerke, Aktualität. Berlin: 2019

⁶ Кимелев Ю. Ганс-Петер Мюллер. Социальная структура и жизненные стили. Новый теоретический дискурс о социальном неравенстве. Социологическое обозрение. 2011. №3 (3). С. 52-55. Оригинал: Müller H.-P.: Sozialstruktur und Lebensstile. Der neue theoretische Diskurs über soziale Ungleichheit. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1997.

⁷ Мюллер Г.-П.: Рациональность, рационализация, рационализм. От Вебера к Бурдьё? – Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. – // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 1 (84). С. 16-42.

⁸ Мюллер Г.-П.: Введение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы Макса Вебера. – Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. – // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 111–135.

⁹ Титаренко Л.Г. Социология: профессия и призвание. Интервью с профессором Хансом-Петером Мюллером // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 1 (84). С. 5-15.

определяет как «поиски следов», т.е. как попытку целостной реконструкции аутентичного «послания» выдающегося ученого. Уже во введении он формулирует главный вопрос своего исследования: Макс Вебер считается сегодня одним из самых значимых социальных теоретиков в мире, из немецких гениев по известности сопоставимым с Кантом в философии и Гете в литературе. Но с каждым новым поколением ученых заново встает вопрос: почему собственно он? В чем его величие? Как ему удалось стать в своей научной дисциплине не просто отцом-основателем, но общепризнанным мировым гением, удостоенным собственной почтовой марки. Ответ автора однозначен: веберовская генеалогия модерна позволяет нам понять, как мы стали теми, кем являемся – именно поэтому его описания капитализма, демократии и индивидуализма до сих пор остаются актуальными для нас. Как справедливо отмечает профессор Мюллер: кто сегодня читает Вебера, тот лучше понимает свою жизнь в эпоху модерна.

Более того, умерший 100 лет назад в результате эпидемии испанского гриппа классик оставил нам множество понятий, с помощью которых мы до сих пор анализируем свою эпоху – например, «расколдовывание мира» посредством рационализации в Новое время. И хотя многие труды Вебера остались незавершенными, он завещал потомкам гигантское наследие – в основном распадающееся на плохо связанные между собой фрагменты. В этой ситуации сложно сформировать общую содержательную перспективу на все это тематическое и жанровое разнообразие веберовских текстов и тем более вычленить ядро его мысли. Именно на это смелое предприятие решился Ганс-Петер Мюллер, являющийся признанным экспертом в мировом вебероведении.

В целом издание получило позитивные отзывы критиков, при этом в одних откликах отмечался довольно высокий образовательный ценз, необходимый читателю для понимания этого сочинения, в других – эlegantность изложения и даже метафоричность авторского стиля. По общему мнению высказавшихся экспертов, книга Мюллера является сегодня незаменимым путеводителем по мысли Вебера, обычно непроходимой для неподготовленного читателя: вместо гигантских социологических джунглей в размере 30 тысяч страниц веберовского корпуса текстов любой желающий получает здесь четкий план с отчетливыми линиями развития мысли великого ученого. При этом автор не претендует на особую оригинальность, следуя общепринятым в мировом вебероведении взглядам на основные этапы и главные темы интеллектуального проекта классика, что также упрощает рецепцию для широкой аудитории. На эту задачу работает и предложенный им краткий обзор сложившейся в современной науке целой «индустрии по интерпретации Вебера» (S. 8), которая уже из-за самих масштабов столетней дискуссии абсолютно непрозрачна для большинства читателей.

Обратимся к содержанию самого тома, который состоит из предисловия, введения, 12 примерно равных по объему глав и заключения «Вебер и мы». В тематических главах Мюллер обращается к ключевым темам веберовского идейного наследия: культурное значение капитализма (S. 67-90), роль религии в возникновении современного мира (S. 106-146), типология господства и бюрократия как судьба модерна (S. 182-237), социальное неравенство и его виды (S. 238-283), кризисные аспекты современности в виде войн и революций (S. 284-307). Несколько разделов книги автор посвятил важнейшим исследовательским проектам Вебера, например, его теории науки (S. 40-66), образовательному путешествию в Америку в 1904 году (S. 91-105), общей парадигме классика (S. 308-352), его незавершенному мегапроекту «Хозяйство и общество» (S. 147-181, 353-379) и знаменитым докладам о науке и политике как профессиональных занятиях (S. 380-418).

При обсуждении различных тем и сюжетов Г.-П. Мюллер говорит о том, как сегодняшние ученые развивают и продолжают работу с веберовскими понятиями и постановками вопросов (S. 273, 432). Он подчеркивает значительное влияние ставших уже классическими концептов в различных областях социального и гуманитарного знания – от исследований античности до теории вкуса. При этом центральной проблемой всего жизненного проекта Вебера автор называет господство, являющееся для него «сердцевиной всего творчества» великого социолога (S. 200). В то же время он называет классика «решительным сторонником культуры свободы» (S. 15) и даже «мыслителем свободы» (S. 423), хотя и вынужден признать, что из высказываний самого героя книги невозможно вывести сколько-нибудь развернутую теорию свободы. Даже обсуждая «харизму свободы» Мюллер прямо говорит, что «Вебер был не теоретиком демократии, а социологом господства, государства и бюрократии» (S. 233). В подтверждение этого он приводит множество впечатляющих цитат классика, где тот ставит обществу модерна неутешительный диагноз с точки зрения шансов на развитие политической свободы, культуры индивидуализма и личной автономии (S. 349). Таким образом, проблема индивидуальной свободы, ставшей впервые возможной в условиях современного мира, остается для Вебера нерешенной (S. 430).

И хотя в фокусе внимания исследователя находится не столько биография конкретного человека Макса Вебера, а скорее его монументальная социально-теоретическая мысль, автор убедительно показывает, насколько сложной личностью был отец социологии, всегда готовый к спору и конфликту даже с самыми близкими людьми. В этом смысле Мюллер справедливо подчеркивает разорванность не только текстологического наследия, но характера самого Вебера: агональная картина мира приводила того к постоянным стрессам, перегружавшим довольно лабильную психику, скрывавшуюся за фасадом холодного аналитика современных культурных реалий...

Завершается книга довольно поэтичной метафорой автора, с которой легко согласится каждый вдумчивый читатель: «Длинная тень Вебера еще долго будет сопровождать нас. И это не самая плохая новость для науки и общества» (S. 434).

Schluchter, Wolfgang: Mit Max Weber. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. — 290 S. — ISBN 978-3-16-159018-4

Шлюхтер, Вольфганг: С Максом Вебером. — Тюбинген: Мор Зибек, 2020. — 290 с. — ISBN 978-3-16-159018-4

Рецензент / Rezensent:
Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00023>

Книгу «С Максом Вебером» заслуженного профессора Гейдельбергского университета Вольфганга Шлюхтера (род. 1938), можно считать еще одним этапом его научной карьеры, связанной прежде всего с растянувшейся на несколько десятилетий вдумчивой и кропотливой работой над освоением, истолкованием и актуализацией теоретического наследия классика немецкой и западной социальной и политической мысли Макса Вебера. За это время Шлюхтер опубликовал целый ряд первоклассных работ, посвященных Макс Веберу и различным аспектам его мысли. Сегодня он по праву считается мэтром не только немецкого, но и мирового вебероведения. «Творчество Вебера, — признается В. Шлюхтер, — сопровождало меня на протяжении всей моей научной жизни» (S. V). Автор рецензируемой монографии был одним из тех немецких ученых, чьими стараниями в последние десятилетия был реализован монументальный проект издания полного Академического собрания сочинений и писем Макса Вебера в 47 томах (1984–2018). Последняя монография — еще одно звено в этой достойной цепи. «То, что я снова и снова возвращался к творчеству Вебера, — пишет автор, — имело под собой прежде всего содержательные мотивы. В его трудах меня вновь и вновь завораживали изобильность мысли, ее всемирно-историческая широта и экзистенциальная глубина, впервые отчетливо уясненная Карлом Ясперсом» (S. V).

Нельзя сказать, чтобы последнюю работу мэтра немецкого вебероведения объединяла какая-то сквозная тема или идея, помимо фигуры и мысли самого ее главного протагониста. Скорее она напоминает собрание очерков, призванных представить и по-новому оценить вклад Вебера — ученого, политика и человека — в различные области социальной науки, а также в академическую и общественно-политическую жизнь Германии конца XIX — первых двух десятилетий XX века. Названия разделов монографии В. Шлюхтера при этом говорят сами за себя: «Теория», «Хозяйство», «Наука», «Политика», «Религия». Многие из этих проблемных узлов и вопросов автор уже затрагивал в таких своих работах, как «Развитие западного рационализма. Анализ истории общества у Макса Вебера» (1979), «Рационализм господства над миром. Исследования о Максе Вебере» (1980), двухтомный труд «Религия и жизненное поведение» (1988), «Поздняя социология Макса Вебера» (2016). Тем не менее несмотря на то, что многие аспекты мысли Вебера уже были исследованы автором рецензируемой монографии, как говорится, «вдоль и поперек» в его предшествующих работах, в своем последнем труде ему явно есть что сказать как о содержательной стороне веберовского наследия, так и о его актуальности для современных научных и общественно-политических дебатов.

Историко-тематическому рассмотрению мысли Вебера Шлюхтер предпосылает систематический очерк его теории действия и социального порядка, основанный на той реконструкции веберовского наследия, что была предложена в его Полном собрании сочинений. Он характеризует социологию Вебера как «структуралистско-индивидуалистическую понимающую социологию» (S. 4), ориентированную на

использование сравнительного подхода и теорию исторического развития. При этом, с его точки зрения, взгляд Вебера-социолога отличает признание неустранимого антиномического характера человеческой жизни, в котором автор находит много общего с подходом Иммануила Канта.

Примерно треть книги посвящена анализу и оценке Макса Вебера как теоретика и историка капитализма и буржуазии. Отмечая, что своим интересом к истории капитализма и буржуазии на Западе в Новое и Новейшее время и к социально-экономической (рыночной) организации обществ модерна Вебер близок к Карлу Марксу, Шлюхтер в то же самое время полагает, что как по своему целеполаганию, так и по используемому понятийному аппарату подход Вебера к анализу современного рационального капитализма на Западе принципиально отличается от походов и взглядов Маркса. В работах Вебера мы постоянно встречаем противопоставление нескольких форм капитализма. С одной стороны, он противопоставляет античный (основанный на рабском труде) и современный (основанный на *формально свободном* труде) капитализм. С другой стороны, «политическому» капитализму, основанному на использовании возможностей власти, он в качестве антипода выставляет экономический капитализм, основанный на производстве и возможностях рыночного обмена. Несмотря на то, что с точки зрения Вебера капитализм был всемирно-историческим феноменом, только на Западе и только в Новое и Новейшее время возникла капиталистическая модель формально чисто добровольной организации труда как типичной и господствующей формы удовлетворения потребностей широких масс на основе промышленного производства товаров и услуг для их продажи на рынке с целью получения прибыли. Только Запад знает эту форму рационального промышленного капитализма, подчеркивает Вебер. Этим экономическое развитие на Западе в новую и новейшую эпоху отличается от экономического развития в других цивилизационных ареалах и в другие исторические эпохи, которые тоже знали капитализм, но не рационально-экономического типа.

Характеризуя в своей монографии политические позиции Макса Вебера, В. Шлюхтер основное внимание уделяет его полемико-политическим идеям, высказанным на завершающем этапе Первой мировой войны, а также в ходе революции 1918-1919 годов в Германии. Эти идеи в современном вебероведении получают название «идей 1918 года» – в противоположность «идеям 1914 года», провозглашенными маститыми немецкими учеными и интеллектуалами в начале «Великой войны» и направленными на отрицание духовного и цивилизационного единства Германии со странами Запада. Во внешней политике начиная с 1916 года Вебер выступает за компромиссный мир без аннексий, а во внешней – за парламентаризацию Германской империи. Оптимальной политической формой (до свержения монархии Гогенцоллернов) он считает парламентскую монархию, а после ноябрьской революции 1918 года и бегства императора Вильгельма II за границу – парламентскую республику. Она должна была быть единой, но федеративно устроенной, предполагала объединение Германии и Австрии и учреждение поста плебисцитарно избираемого главы государства, а также парламента (рейхстага) в качестве главного политического центра, опирающегося на коалицию буржуазных партий и умеренной социал-демократии большинства. Военная экономика после окончания войны должна снова была стать рыночной, что, однако, не исключало частичной социализации и достижения компромисса между трудом и капиталом. Эти надежды Вебера, связанные с идеями 1918 года, оправдались лишь частично вследствие того, что условия Версальского договора, по его твердому убеждению, вычеркнули Германию из сообщества наций и превратили немцев в «народ-парию».

В главе «Религия» В. Шлюхтер обращается к самой, пожалуй, известной работе Макса Вебера «Протестантская этика и «дух» капитализма». Вопрос, который интересовал Вебера в данном исследовании, звучит так: Какое влияние оказывают религиозные идеи на поведение верующего человека? Ставя вопрос таким образом, Вебер исходит из того, что индивиды имеют не только материальные, но и идеальные интересы, и что в своем

поведении они реагируют на стимулы, причем эти стимулы могут наделять их не только материальными, но и божественными наградами. Идеальные интересы религиозных людей XVII века были направлены на то, чтобы узнать, предопределены ли они Богом к блаженной жизни на небесах или же осуждены на вечные муки? *Certitudo salutis* для многих людей XVII и XVIII веков, когда религия еще оказывала значительное влияние на повседневную жизнь, была центральной жизненной проблемой. Стремление простых мирян удостовериться в их предназначенности к спасению привело, в различных ветвях протестантизма, к появлению внутримирской профессиональной аскезы. Для Вебера это исследование послужило примером того, как идеи, в данном случае религиозные, влияют на человеческую жизнь. Речь в данном случае идет о духе *современного* капитализма, который рациональным образом упорядочивает стремление действующих лиц к стяжательству. Этот дух капитализма для Вебера воплощался в социально восходящих буржуазных слоях, и прежде всего в мелкой буржуазии. С точки зрения социологии Макса Вебера «дух» не был простым отражением экономического положения, но выступал в роли самостоятельного фактора. «Форма и дух современного капитализма взаимно усиливают друг друга и вступают друг с другом в избирательное сродство» (S. 45). Вопрос о том, как «последние вещи» (die letzte Dinge), а именно отношение человека к божественному и трансцендентному, влияют на нашу повседневную жизнь, и был тем ключевым вопросом, на который искал ответ великий немецкий ученый в своих исследованиях по социологии современного капитализма и значении религиозного фактора в его развитии.

Как искренне признается сам В. Шлюхтер, десятилетия занятий веберовской мыслью не прошли для него даром. Со временем старание думать о Вебере и понимать его превратилось в старание думать вместе с Максом Вебером. Об этом говорит читателю и само название книги. Однако современный мир не стоит на месте. Сегодня на повестке дня появились проблемы, незнакомые великим умам прошлого. И Макс Вебер здесь – не исключение. Отсюда и стратегия автора, красной нитью проходящая через всю его книгу – используя концептуальные находки и открытия классика социальной и политической мысли XX века, применять их для анализа современных общественно-политических, социальных и культурных проблем. В этом и заключается актуальная ценность рецензируемого труда.

Schildt, Axel: Medien-Intellektuelle in der Bundesrepublik. Hrsg. und mit einem Nachwort versehen von Gabriele Kandzora und Deflet Siegfried. — Göttingen: Wallstein Verlag, 2020. — 896 S. — ISBN 978-3-8353-3774-9

Шильдт, Аксель: Медийные интеллектуалы в ФРГ. Под ред. и с послесловием Габриеле Канцора и Дефлета Зигфрида. — Гёттинген: Вальштейн, 2020. — 896 с. — ISBN 978-3-8353-3774-9

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00022>

У рецензируемой работы, посвященной истории немецких интеллектуалов времен Боннской республики (1949-1989) и символической и идейной борьбе между ними в информационном поле немецких СМИ – своя непростая судьба. Историк Аксель Шильдт (1951-2019), в 2002-2017 годах – профессор новейшей истории и специалист по интеллектуальной и культурной истории ФРГ, много лет работал над своим последним исследовательским проектом, посвященном истории интеллектуалов и их сценическому действию в медиа ФРГ в период после Второй мировой войны. Основанное на обработке богатого архивного материала, – в библиографии книги встречаются ссылки на 28 архивов, материалы которых были использованы при написании работы – исследование А. Шильдта должно было быть доведено до конца 1980-х годов, но остановилось на полпути из-за смерти автора. В результате история медийных интеллектуалов в ФРГ в книге обрывается на фетиш-революции (Fetisch Revolution) 1968 года. Однако, несмотря на незавершенный характер работы, она представляет собой совершенно выдающееся исследование как в плане постановки исследовательских задач, так и в плане широты и обстоятельности затрагиваемых в ней тем и проблем.

Как следует из введения к работе, в котором автор подробно раскрывает свой исследовательский замысел и набрасывает необходимую для его реализации теоретическую систему координат, он поставил перед собой более чем амбициозную задачу: создать первую полноценную историю интеллектуалов и их символической борьбы в ФРГ, уделив при этом особое внимание преломлению этих споров в публичном информационно-медийном пространстве. Несмотря на то, что по указанным выше причинам автору не удалось завершить свою работу, масштаб того, что он успел сделать, всё равно поражает.

Для выбора темы исследования у ученого были серьезные как жизненно-экзистенциальные, так и научные мотивы. Еще в раннем возрасте А. Шильдт заинтересовался консерватизмом, который играл центральную роль в интеллектуальной истории ранней Федеративной Республики. При этом предметом его интереса служили не идейно-исторические проявления этой доктрины, а историко-политическое влияние консервативных актёров из интеллектуальной среды – прежде всего из числа героев «Консервативной революции» 1920-х и первой половины 1930-х годов, а также круга авторов журнала «Die Tat». В не меньшей степени А. Шильдта интересовал вопрос о том, как идейные попутчики «Третьего рейха» – в данном случае имеются в виду такие философы и ученые, как Мартин Хайдеггер, Карл Шмитт, Арнольд Гелен, Ханс Фрайер и другие – приспособивались к новой послевоенной общественно-политической и культурной реальности и какой отпечаток их деятельность наложила на политическую и идеологическую преемственность ФРГ с предшествующими государственными формами Германии. В конечном счете внимание ученого было приковано к историческим судьбам

второй (после Веймарской республики) демократии на немецкой земле и к неоднозначной и проблематичной истории ее возникновения и эволюции. В своей работе автор показывает, что одной из сквозных тем интеллектуальной и культурной истории ФРГ на всем протяжении ее истории (до воссоединения двух Германий) являлся то затухавший, то вновь разгоравшийся конфликт между либерально настроенной немецкой медиа-общественностью и историческим наследием Веймарской республики и «Третьего рейха».

Ключевая особенность рецензируемой работы состоит в том, что в ней А. Шильдт дает широкую панораму деятельности западногерманских интеллектуалов в интеллектуальном и медийном поле второй половины XX века, не обойдя при этом вниманием и те международные, внутривнутриполитические, социальные, культурные и технологические перемены, которые не только до неузнаваемости изменили труд современных немецких интеллектуалов, но и наложили свой неизгладимый отпечаток на общественно-политическую и культурную жизнь ФРГ в 1950-е и 1960-е годы. Как отмечают издатели рукописи А. Шильдта, «лишь такая синтетическая точка зрения дает возможность постичь интеллектуалов, их сферы интересов и влияния, их стратегическое действие, а также мотивации влиятельных актёров» (S. 785), действующих на интеллектуальной и социальной сцене.

Как подчеркивает сам автор, через его книгу красной нитью проходит мысль о неразрывной связи средств массовой информации и общественности, с одной стороны, и интеллектуалов, действующих в этих средах, с другой. «Для меня, – признается А. Шильдт, – это единственная обещающая успех возможность постичь данную тему с общественно-исторической точки зрения, поскольку быстрая реконструкция и расширение ансамбля печатных СМИ, радиовещания и телевидения послужили основой для растущего влияния интеллектуальных создателей общественного мнения. А сопутствующая этим процессам модернизация жизненного мира, в свою очередь, нашла свое выражение в [изменении] производственных условий публицистов, что заставило их адаптироваться к убабляющемуся темпу дискурса» (S. 10).

Жанр своего исследования А. Шильдт определяет как «интеллектуальную историю» (Intellectual History). В отличие от истории идей и дискурс-анализа интеллектуальная история сосредотачивает свое внимание на действующих лицах или актёрах, тогда как идеи в этой исследовательской перспективе «рассматриваются как интеллектуальный результат социально обусловленной деятельности литераторов, ученых и научных работников, с одной стороны, и как выражение социальных позиций, политических конфликтов и экономических интересов групп (например, классов), с другой» (S. 19). Это означает, что исследователь должен изучать объективное социальное положение интеллектуалов как в жизненном мире, так и в интеллектуальном и медиа-ландшафтах, их специфические технические и социально-экономические средства производства, те социальные отношения и взаимодействия, в которые они вовлечены, а также их личную и общественно-политическую эволюцию. Правда, здесь важно не перегнуть палку в другую сторону и за изучением исторических условий интеллектуальной деятельности не потерять из виду ее результаты, т.е. порождаемые интеллектуалами тексты и транслируемые ими смыслы.

Для реконструкции интеллектуального и медийного поля Боннской республики автор использует понятийную систематику, предложенную французским социологом Пьером Бурдьё (1930-2002). Это позволяет ему показать политико-полюсические дебаты интеллектуалов в послевоенной Западной Германии в их социокультурной динамике и одновременно – зафиксировать объективное положение отдельных групп и фракций западногерманских интеллектуалов в медийно-интеллектуальном поле ФРГ. Это поле под пером автора предстает как специфическое социальное пространство, обладающее известной автономией и собственной закономерностью, в котором индивидуальные и коллективные актёры, используя имеющиеся в их распоряжении ресурсы в виде различных габитусов и форм капитала (культурного, информационного, социального, экономического, символического) ведут между собой символическую борьбу за гегемонию в сфере мнений

и интерпретаций смысла, которая, в свою очередь, всегда так или иначе связана с экономическими и политическими интересами.

Особый интерес представляет оставшаяся незавершенной, но содержащая большой и в высшей степени ценный материал глава о немецких интеллектуалах накануне и в 1968 году. Возражая против доминирующего в современных немецких СМИ и вновь и вновь возобновляемого в связи с периодическими юбилейными датами интеллектуально-медийного дискурса о том, что в основе событий 1967-1968 года в ФРГ лежал поколенческий конфликт между молодым, антиавторитарно настроенным поколением и поколением «отцов», ставшим заложником тяжкого наследия национал-социалистического правления, автор показывает, что эта популярная докса не выдерживает столкновения с эмпирическими вопросами и фактами. Люди протестуют вовсе не по внутрисемейным причинам: большинство активистов 1960-х годов, в том числе из Социалистического Союза немецких студентов (1946-1970) были выходцами из либеральных семей, а поводы для громких скандалов «давали не только политические партии, но и школы и университеты, церкви и судебная система, пресса и культурная сфера» (S. 761). Для того, чтобы обосновать свою точку зрения и снять магический флёр, окутывающий события 1968 года в немецком интеллектуальном сознании, автор подробно рассматривает такие важнейшие темы интеллектуальных дебатов второй половины 1960-х годов, как место и роль внепарламентской оппозиции в ФРГ, законы о чрезвычайном положении, война во Вьетнаме, кампания против медиа-концерна Акселя Шпрингера, а также интеллектуальная тематика более общего плана, в частности, критика авторитаризма во всех его формах, критика парламентской демократии, открытие еврейских и вернувшихся из изгнания теоретических традиций, теории фашизма, а на метауровне – интеллектуальные дебаты внутри Франкфуртской школы и отношение ее ведущих мыслителей Адорно, Маркузе и Хабермаса к студенческому движению.

В заключение стоит отметить, что главное достоинство исследования А. Шильдта заключается в том, что предложенный им «взгляд на интеллектуалов как на действующих лиц в рамках социального комплекса, состоящего из экономики, техники, социальных отношений, политики, культуры, средств массовой информации и духовных течений времени открывает новые перспективы в интеллектуальной истории и в то же самое время позволяет дистанцироваться от самостилизации действующих лиц» (S. 790), выступающих в роли агентов интеллектуального и медийного поля.

Geyer, Dietrich: Das Russische Imperium. Von den Romanows bis zum Ende der Sowjetunion. Hrsg. von Jörg Baberowski und Rainer Lindner. — Oldenbourg: De Gruyter, 2020. — VI, 468 S. — ISBN 978-3-11-066499-7

Гейер, Дитрих: Российская империя. От Романовых до крушения Советского Союза. Под ред. Йорга Баберовски и Райнера Линднера. — Олденбург: Де Гройтер, 2020. — VI, 468 S. — ISBN 978-3-11-066499-7

Рецензент / Rezensent:
Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00021>

Дитрих Гейер (род. в 1928) – известный немецкий ученый, специалист по истории России и внешней политике Советского Союза, в 1965-1994 годах – профессор истории Восточной Европы и директор Института истории Восточной Европы и страноведения Тюбингенского университета. Его перу принадлежат такие работы, как «Ленин и русская социал-демократия. Рабочее движение в царской России как организационная проблема революционной интеллигенции, 1890-1903» (1962), «Русская революция. Исторические проблемы и перспективы» (1968), «Российский империализм. Исследование взаимосвязи внутренней и внешней политики 1860-1914» (1977), «Русская корона, свастика и красная звезда: Автобиографические заметки» (1999).

Как пишет в послесловии к рецензируемой работе Йорг Баберовски, ведущий немецкий специалист по советской истории и ученик Дитриха Гейера, его учитель, преподававший на протяжении нескольких десятилетий российскую историю в Тюбингенском университете, был не только профессиональным историком, но и «эстетом, эссеистом и писателем, ученым и учителем, умевшим очаровывать своих слушателей и читателей ясностью суждений и изяществом языка. Во многих отношениях ему удалось впервые сделать историю и культуру России из достояния ученых кругов достоянием широкой общественности» (S. 452).

В основу книги лег курс лекций по истории России, прочитанный автором на протяжении четырех семестров, с 1992 по 1994 год в Институте истории Восточной Европы и страноведения Тюбингенского университета. В них автор прослеживает историю России последних четырех с половиной столетий, ставя ее в имперскую перспективу и соотнося с событиями европейской истории. Хронологические рамки повествования охватывают период от восшествия на престол Ивана IV Грозного (1547) до крушения Советского Союза в 1991 году. Тем самым русская история предстает у Гейера как история подъема, расцвета и заката российской империи (в широком смысле слова).

История России как имперского образования в изображении Д. Гейера складывается из трех хронологически неравных периодов. Первый охватывает эпоху с середины XVI века до середины XIX века. Она начинается с царствования Ивана IV Грозного и заканчивается поражением России в Крымской войне и смертью императора Николая I. Второй период – период «освободительных» реформ Александра II и революций 1905 и 1917 годов – охватывает эпоху с 1856 по 1917. Наконец, третий период – это период советской истории (1917-1991), который заканчивается с крушением СССР в декабре 1991 года.

В центре концепции русской имперской истории, предложенной Дитрихом Гейером, лежит понятие «общества как государственного мероприятия» («Gesellschaft als staatlicher Veranstaltung»). Выбирая на роль главной исторической гипотезы данную концепцию, автор ссылается на события и процессы русской истории XVIII века. Несмотря на то, что

понятие «общество» впервые появляется в правительственных распоряжениях 1775 года уже при Екатерине II, здесь под обществом понимается государственное мероприятие, а не сословная корпорация, которая выводила бы свои правовые основания из традиции и обладала своим собственным самосознанием (S. 75). Особенности устройства российского социума той поры не давали оснований для того, чтобы на европейский манер видеть в государстве и обществе разные и даже противоположные формы социальной действительности модерна. Несмотря на то, что в XVIII веке регулярное государство Петра Первого и его преемников вызовет к жизни служилое дворянство, купеческие гильдии и сословия (дворяне, крестьяне, мещане), из этих государственных мероприятий вплоть до конца XIX столетия не могло родиться гражданское общество европейского типа.

В свою очередь, несущая конструкция «общества как государственного мероприятия» складывается из трех элементов, без которых немыслима русская история последних столетий: *самодержавия, многонациональной империи и закреощения всех слоев общества государством*. Всё эти три начала русской истории Нового и Новейшего времени самым тесным образом связаны между собой.

Что связывает воедино три столетия русской истории (1547-1855)? – спрашивает Дитрих Гейер. Его ответ на этот вопрос состоит в том, что связующим звеном здесь выступает способ организации власти в России, т.е. самодержавный характер власти русских царей и российских императоров. Решающим структурным фактором русской истории начиная с середины XVI столетия была «непрерывность российского автократического правления, живучесть неограниченного самовластья царизма. Тот, кто говорит о истории российского государства, не может молчать о самодержавии. Именно этот государственный институт противопоставляет Россию просвещенной Европе; здесь – свобода и сословные вольности, там – деспотия и тирания» (S. 4). Историческая преемственность самодержавного правления при отсутствии гражданского общества со своими собственными правами и свободами составляет первую родовую черту истории России последних столетий.

Империя, — второе по важности понятие истории России, также имеющее давнюю традицию. Оно обозначает государство российское или Российскую империю, т.е. многонациональное государство, которое, претерпевая многочисленные изменения и территориальные приращения и потери, просуществовало до распада Советского Союза в декабре 1991 года. Это утверждение может показаться анахронизмом, поскольку название «империя» для обозначения России используется только с петровских реформ. Однако в русской истории империя (как пространство господства, объединяющее не *исключительно* русское православное население) возникает в середине XVI века. Московское самодержавие постепенно оформляется в период между XIV и серединой XVI века; оно было тесно связано с территориальным расширением Московского царства за пределы своих изначальных границ в процесс собирания русских земель. В середине XVI века, когда процесс собирания вокруг Москвы собственно русских земель был в основном завершен, приходит пора притязаний на наследие стародавней Киевской Руси плюс земель бывшей Золотой Орды в Поволжье и Сибири. Речь идет об экспансии, направленной на Запад, на Восток и на Юг, о экспансии на территории со своей собственной политической и культурной традицией, со своим собственным социальным устройством, верой, языком и этнической структурой. В результате под власть православных царей попадают мусульманские народы и племена тюркского происхождения со своей собственной культурой, языком и верой, а в XVIII веке – народы и земли, которые по своей вере и культуре принадлежали латинскому Западу. С течением времени становилось всё яснее и яснее, что в процессе расширения державы посредством территориальной экспансии возникает империя с многоконфессиональной и полиэтнической структурой. Иными словами: начиная с Ивана IV Московия начинает превращаться в многонациональное государство, в настоящую континентальную империю, включающей в себя территории не только в Европе, но и в Азии. «Проблемы, которые возникли с присоединением этих

гигантских территорий и их населения, сопровождали историю государства вплоть до его конца. При этом автократия была скрепой империи» (S. 10).

Наконец, третья составляющая концепции русской истории Гейера основана на идее закрепощения всех слоев русского общества самодержавной властью, превращения их в тягловый элемент на службе сперва московскому, а затем российскому государству. Эта специфика русской социальной структуры и социальной организации дореволюционной России служит автору теоретической основой для интерпретации отношений власти и общества на протяжении последних столетий российской истории. По словам Йорга Баберовски, «Дитрих Гейер сумел как никто другой раскрыть это своеобразие российской государственности и показать нам, какие возможности для политического действия открывало самодержавное правление и какие пределы оно ему ставило» (S. 448).

Говоря об истории Советского Союза, Д. Гейер выделяет три переломных момента в его истории. Первый переломный момент связан с Первой мировой войной и «двойной» революцией 1917 года, ставшей ее следствием. Революция привела не только к крушению монархии, но и к распаду многонациональной Российской империи. В гражданской войне, которая последовала за революцией и распадом империи, победу одержали большевики, которым удалось реинтегрировать большую часть бывшей имперской территории в форме Союза Советских Социалистических Республик.

Второй эпохальный перелом в советской истории происходит после 1945 года. Он был связан сперва с расширением территории СССР за счет присоединения Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии и инкорпорации независимых государств Балтии в 1939-1940 годах, а затем, после нападения гитлеровской Германии на СССР – с «Великой Отечественной войной». Одним из главных последствий этой войны стало рождение мощной имперской державы, управляемой И. Сталиным и установление советской гегемонии в Восточной Европе за счет создания *внешней империи* от Эльбы до Адриатики.

Наконец, третий эпохальный перелом в советской истории происходит в период между 1989 и 1991 года; он связан с крушением системы коммунистической власти сперва в Восточной Европе, а затем – в СССР. «Этот распад был результатом краха центральной власти (московского центра), обусловленного коллапсом экономической системы и ее институциональных и идеологических скреп: Коммунистической партии Советского Союза и марксистско-ленинского мировоззрения» (S. 6). Одной из причин этих событий стала неспособность СССР еще дальше нести непомерные затраты в конкурентной властной борьбе с Западом. Характерной чертой заката советской системы было ускорение внутренних, прежде всего экономических процессов дезинтеграции. Реакцией советских верхов на все эти негативные процессы стала «перестройка», которую советский руководитель Михаил Горбачев объявил «революцией сверху», призванной приспособить социализм к реалиям наступающего XXI века. Провал «перестройки» как «революции» сверху, направленной на обновление советской модели социализма, привел не только к крушению Советского Союза, но и к окончанию «холодной войны» между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком (1947-1991), и к схождению с исторической сцены марксистско-ленинской общественно-политической модели, которая начиная с 1917 года выступала в роли научно обоснованной социалистической альтернативы буржуазному и либерально-демократическому Западу. Тем самым оказалась перевернутой и четырехсотлетняя имперско-самодержавная страница истории России. «Навсегда ли?» – спрашивает сам себя Д. Гейер в эпилоге к своему курсу лекций. Время покажет, – скажем мы сегодня вслед за немецким ученым.

Simms, Brendan: Hitler. Eine globale Biographie. Aus dem Englischen v. K.-D. Schmidt. – München: Deutsche Verlag - Anstalt, 2019. – 1050 S. - ISBN 978-3-421-04664-2

Симмс, Брендан: Гитлер. Глобальная биография. – Мюнхен: Немецкое изд-во , 2019. – 1050 с. - ISBN 978-3-421-04664-2

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00020>

Личность Адольфа Гитлера как никакая иная привлекает внимание историков на протяжении последних 80 лет. Сложно даже сказать, какое количество книг, статей посвящено этой фигуре, а также созданному им нацистскому режиму. Казалось бы, за последние несколько лет вышли ряд важных, новаторских биографий германского диктатора и уже проблематично найти лакуну, которая была бы неизвестна исследователям. Вместе с тем гитлеровская биография британского историка Б. Симмса заставляет читателя взглянуть по-новому на личность А. Гитлера и ключевые этапы его политической биографии, а также поставить ряд вопросов, требующих обсуждения.

Б. Симмс отмечает, что не стремится к освещению всех сторон жизни А. Гитлера, хотя название книги подводит читателя к тому, что, указывая на глобальную биографию, автор постарается максимально полно охватить жизнь своего героя, вписав его в широкий исторический контекст времени. Вместе с тем, британский исследователь склонен понимать глобальность как стратегическое мировое противостояние, к которому пришла бы Германия вследствие нацистской внешней политики. Автор выделяет три стратегических аспекта биографии А. Гитлера, которые определяли сущность его деятельности и влияли на проводимую нацистским государством политику. Во-первых, он полагает, что ключевое место в гитлеровском мировоззрении в качестве политического противника занимал не большевизм и Советский Союз, а Англо-Америка и глобальный капитализм. Во-вторых, его отношение к немецкому народу, приведшее к «чистке» его от евреев, было вызвано не идеологическими аспектами, а чувством неполноценности по отношению к «англосаксам». В-третьих, концентрация на «негативной евгенике» против евреев упускала из виду «позитивную евгенику», в рамках которой немецкий народ должен был достигнуть уровня жизни своих британских и американских соперников. Поэтому развязанная А. Гитлером Вторая мировая война была направлена не столько против евреев, сколько против англосаксов, которые и выступают основными соперниками А. Гитлера и нацистской Германии в борьбе за мировое господство (S. 15-16). Б. Симмс полагает, что мировоззрение А. Гитлера строилось на антикапитализме, антисемитизме и антибольшевизме, поэтому в гитлеровском мальтузианском мировосприятии антикапиталистические черты предопределяли расовые (S. 17, 24).

Описание биографии А. Гитлера носит линейный характер, позволяющий автору год за годом рассматривать жизненный путь немецкого диктатора. Конечно, такое изложение соответствует выбранному жанру исследования, но делает сложным изучение проблемного рассмотрения мировосприятия и эволюции идейных представлений. Тем не менее, автор старается концентрироваться на идейных и, в большинстве случаев, политических моментах, которые начинают превалировать в исследовании с момента написания периода нацистской диктатуры. Подчеркивая ранние годы жизни А. Гитлера, Б. Симмс отмечает хрестоматийное влияние венских лет на формирование его мировоззрения, когда были восприняты представления о внутренней политике, расе и культуре. Вместе с тем, он не

обращает внимание на венский социальный опыт, приобретенный А. Гитлером, и не упоминает его знакомство с идеями Ланца и журналом «Остара», которые познакомили его с расовым вопросом (S. 37). Вполне резонно автор указывает на то, что Великая война сыграла ключевую роль в судьбе А. Гитлера, способствуя не только идентификации его с германским государством и разрывом с австро-венгерскими корнями, но и столкновением с противником, который, с точки зрения историка, впоследствии играл определяющую роль в его политической деятельности. Сражаясь на Западном фронте, А. Гитлер противостоял британским, индийским, канадским, австралийским и новозеландским частям, а в 1918 г. и американским войскам, что повлияло на его восприятие мощи британского и американского государств и способствовало формированию страха, и одновременно восхищения этими странами (S. 44-47). В окопах войны сформировалось представление о том, что война ведется как против внешнего, так и внутреннего противника в лице социал-демократии. В конце войны у А. Гитлера оформилось представление о том, что Германия противостоит «миру врагов», но четкого осознания роли евреев, выступающих как капиталистические или коммунистические представители, еще не сложилось, также как и роли США в мировой экономике (S. 50). Б. Симмс утверждает, что чувство ненависти А. Гитлера по отношению англичан и американцев сформировалось раньше, чем по отношению к евреям, из чего он делает вывод о приоритетности образа врага в гитлеровском сознании. Ненависть к капиталистическим державам Великобритании и США породила его антисемитизм, в котором капиталист, точнее американец, сливался с евреем в единое целое (S. 56-57). Говоря о восприятии евреев А. Гитлером в начале 1920-х гг., автор справедливо отмечает раздвоение образа еврея в его представлениях, когда еврей как враг в области политики сочетался с евреем-однопольчанином, с которым он поддерживал теплые отношения. Однако особенностью интерпретации Б. Симмса является то, что он меняет сердцевину образа еврея, заявляя о ее капиталистической, а не расовой основе. Выстроенная А. Гитлером линия демократия-капитализм-евреи, на чем основывались антикапиталистические представления нацизма, позволяла рассматривать большевизм как инструмент мирового еврейского капитализма (S. 81, 87).

Б. Симмс отмечает степень восхищения и интереса, который питал А. Гитлер к Великобритании и США, пораженный ее мощью и политическим влиянием. Однако это восхищение носило двойственный характер: внешнеполитическая мощь Великобритании сочеталась с представлением о британцах как втором еврействе, а признание расовой основы власти в США с ролью еврейства среди политических элит (S. 96-99). Б. Симмс делает вывод о том, что уже в 1920-е гг. А. Гитлер испытывал в большей степени страх перед Англо-Америкой, чем перед большевизмом и еврейством (S. 102), эти страны он рассматривал в качестве основных врагов Германии, а не Францию и СССР (S. 155). При этом автор полагает, что основной расовый конфликт состоял не между немцами и евреями, а между тевтонами и англосаксами (S. 162). Это превращало антисемитизм А. Гитлера в «англо-американо-еврейский симбиоз» (S. 163). Фактически Б. Симмс ревизионистски трактует расовую идеологию нацизма, превращая антисемитизм в сопутствующее представление А. Гитлера, выставляя в качестве основного восхищение и страх перед англосаксонским миром. Автор собирает нарезку соответствующих цитат А. Гитлера, оставляя в тени, фактически не приводя, те, которые не обосновывают его интерпретацию противостояния англосаксонскому миру. Один вопрос, когда подобных цитат немного, другой вопрос, когда их множество и осознанное игнорирование их умышленно искажает историческую действительность.

Нацистская диктатура воспринимается автором как стремление к достижению мирового господства, сопровождаемое внешнеполитической экспансией и внутривнутриполитическим очищением немецкого народа от «чуждых» политических и расовых элементов, что предполагало не только устранение политических противников, но и реализацию расовой евгеники (S. 304, 346-347). Автор не устает подчеркивать, что расовая борьба воспринималась как столкновение немцев и евреев, но, в конечном счете,

представляет собой борьбу тевтонов и англосаксов(S. 402). Б. Симмс подробнее останавливается на контактах нацистов с националистическими движениями в Азии, в том числе и с сионизмом, с тем, чтобы подчеркнуть определяющую направленность англо-германского противостояния. В конечном счете, крушение союза с Великобританией накануне Второй мировой войны как сильнейшее поражение политики А. Гитлера, подтолкнувшее его к пакту со Сталиным(S. 522, 534). Б. Симмс полагает, что с началом мировой войны расовый лексикон А. Гитлера заменяется на классовую терминологию, нацистскую борьбу против международной капиталистической плутократии. Он отмечает, что с 1941 г. Германия вела две войны на уничтожение: против СССР за ресурсы и жизненное пространство, и против США и мирового еврейства, что позволяло соединить суммарное убийство миллионов славян с убийствами евреев. Таким образом, историк заявляет о равнозначности военной операции против СССР и «окончательного решения» еврейского вопроса(S. 611).

Б. Симмс в традиционной британской манере уделяет больше внимания Западному фронту как примеру военного противостояния англо-американских войск вермахту и считает, что страх перед ковравыми англо-американскими бомбардировками немецких городов подтолкнул его к разработке «оружия массового поражения», имея в виду Фау-1 и Фау-2(S. 728-729). Риторическая наша ремарка о том, что оружие массового поражения, т.е. ядерное оружие, было создано и применено далеко не немцами, а как раз американцами, заставляет задуматься об ответственности ученых. Утверждение автора о том, что с 1943 г. США и Великобритания превращаются в основных противников нацистской Германии(S. 758), даже не требует детальных опровержений. Б. Симмс лишь штрихом, эпизодически указывает на роль Восточного фронта в разгроме германского вермахта, игнорируя тот факт, что германские вооруженные силы были перемолоты на германо-советском фронте, а не в Африке или Италии. Чудовищное напряжение сил и огромнейшие потери Красной армии в войне привели к тому, что вермахт был раздавлен на Восточном фронте. Б. Симмс не уделяет этому внимания и не подчеркивает важного вклада СССР в окончательное поражение Германии в войне.

В конечном счете, Б. Симмс утверждает, что А. Гитлер поднял мятеж против англо-американского капиталистического порядка. Еще до обращения к еврейскому вопросу он пережил мощь британского оружия во Фландрии, демографическую и индустриальную силу США во 2-й битве на Марне и экономическое давление глобального капитализма в статьях Версальского мира. Евреи стали восприниматься им как сила международного капитализма, использующего вирус большевизма для завоевания Германии, поэтому его ненависть к евреям была ненавистью к радикальным левым как политическим врагам, а также к глобальному крупному капиталу. Б. Симмс утверждает, что кто не говорит о гитлеровском антикапитализме, должен молчать и о его антисемитизме. Третий рейх не был реакцией на русскую революцию, а выступал ответом на господство Англо-Америки и глобального капитализма. «Холокост не был искаженной копией сталинского Большого террора, а превентивным ударом против рузвельтовской Америки»(S. 841-842).

Масштабная биография А. Гитлера, написанная Б. Симмсом, поднимает ряд новых вопросов и заставляет задуматься над содержанием гитлеровского мировоззрения и направленностью нацистской политики, фактически актуализирует проблему понимания нацистской «народной общности». Большим достоинством книги является не только ее основательность и фундированность, но и то, что она заставляет спорить и не соглашаться, т.е. думать о Третьем рейхе, сущности нацистской истории Германии.

Siemens, Daniel: Sturmabteilung. Die Geschichte der SA. Aus dem Englischen v. Karl Heinz Siber. – München: Siedler Verlag, 2019. – 590 S. - ISBN 978-3-8275-0051-9

Сименс, Даниэль: Штурмовые отряды. История СА. Пер. с англ. Карл Хайнц Сибер – Мюнхен: Зидлер изд-во, 2019. – 590 с. - ISBN 978-3-8275-0051-9

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00019>

Монография британского историка Даниэля Сименса была опубликована в Великобритании в 2017 г. и достаточно быстро переведена на немецкий язык. Причиной интереса является сама тема исследования, в котором автор обратился к истории зарождения и деятельности штурмовых отрядов нацистской партии. Следует заметить, что история штурмовиков, в отличие от его дочерней организации СС, получившей огромное влияние в нацистском государстве и оставившей кровавый след в германской и мировой истории, не получила должного изучения. Количество исследовательских работ на данную тему не превышает десятка, и то, в основной своей массе, они локализируются вокруг так называемого «путча Рёма» 30 июня 1934 г. или, так или иначе, связаны с этим событием. Конечно, данный сюжет является переломным в политической истории СА, но не раскрывает всей полноты ее истории. В этой связи исследование Д. Сименса имеет явные преимущества перед предшествующими исследованиями истории штурмовых отрядов, так как оно представляет собой изучение их деятельности на протяжении всего периода существования.

Исследовательский подход Д. Сименса характеризуется объединением политической и культурной истории, позволяющим рассмотреть политическую деятельность СА в поле политико-культурного взаимодействия и символических практик. Автор отмечает, что изучение политической истории СА позволяет проанализировать изменения практики политической деятельности, связанной с вторжением политики улиц, эмоциональным выплеском традиционных национальных и религиозных предубеждений, приводящих в действие массовое насилие, имеется в виду исключительно антисемитский дискурс и повседневная практика, хотя британский историк не акцентирует на этом внимание. Следует сразу оговориться, что евреи не были исключительной группой, на которую была направлена деятельность штурмовых отрядов в годы Веймарской республики. Антисемитская вербальность в большей степени оставалась в поле политических или расовых обвинений, в то время как практика уличного насилия и политического терроризма вращалась в сфере партийного противостояния с военизированными левыми группами СДПГ и КППГ. Также Д. Сименс отмечает, что послевоенная политическая практика придала общественным дебатам новое лицо в рамках демократического общества Веймарской республики, в которых СА играли важную роль. Аспекты политической деятельности нацистской партии и ее военизированных отрядов в политической республиканской системе позволяют подчеркнуть, что лояльность политических элит являлось всего лишь одним из аспектов крушения Веймарской республики. Она не определяла и не отражала политическую позицию значительного числа немецкого населения в начале 1930-х годов (S. 7-8). Политическая роль штурмовых отрядов в системе нацистской деятельности в годы Веймарской республики определяются автором верно. СА выступала как миллионная армия

насилия, которая должна привести к власти НСДАП как политическую партию, которая сформирует республиканское правительство(S. 15).

Д. Сименс отмечает, что штурмовые отряды возникли в атмосфере деятельности парамилитаристских организаций и групп, существовавших в послевоенные годы, таких как отряды самообороны и фрайкоры, сражавшихся в пограничных территориях германского государства на западе против французов, а на востоке против поляков и чехов. Сформировавшийся пограничный менталитет и практика насилия повлияли на деятельность СА, поэтому ее историю следует рассматривать не только как историю инструмента, с помощью которого партия совершала рывок к власти, но и как хронику насилия, ненависти и борьбы, которая в годы нацистской диктатуры воплотилась в практике нацистских концлагерей(S. 19-20). Д. Сименс высказывает концептуальный тезис о том, что «системно-иманентное насилие» нацистов было характерной чертой насилия в нацистской Германии. Насилие выступало центральным элементом пропаганды СА, средством социализации ее членов и способом нацистской идентификации(S. 21). Одновременно с этим нацистская пропаганда создавала образ штурмовика как идеального нациста, направленный на интеграцию молодежи и образование нового тренда «мускулинного христианина» (S. 22).

Закрепленные в историографии brutальные и отрицательные характеристики штурмовиков как группы, включавшей в себя маргинальные слои, представленные безработными, бандитами, неудачниками, гомосексуалистами, закрепившейся в историографии ГДР, или «господство плебса» или криминальная банда, присутствующая в историографии ФРГ(S. 24-25), во многом требовали уточнения и корректировки. Утверждение Д. Сименса о том, что именно насилие выступало средством политической мобилизации и дисциплинирования СА позволило инкорпорировать его в структуру «народной общности» нам представляется справедливым. Транснациональный характер СА позволял не только экспортировать нацистские идеи, но и создавать аналогичные организации в других государствах, в частности, в Австрии, Чехословакии, Эльзасе, Словении, на территории генерал-губернаторства. Штурмовики выступали проводниками политики германизации восточных земель в годы Второй мировой войны и выступали экспертами по насилию и антисемитской политике(S. 28-30).

Д. Сименс рассматривает штурмовые отряды как типичный продукт парамилитаристского насилия, имевшего транснациональный характер и являвшейся наследником насилия Великой войны. Кроважидный сарказм периода войны вошел в политический язык послевоенной Европы, дух насилия и конфронтации составил основу политического климата послевоенных лет. Формы насилия, практикуемого СА, носили физический, психологический и культурный характер, выступая структурным элементом политической деятельности нацистской партии. Рассматривая историю деятельности СА, автор обращает внимание на коммуникационные и символические формы их деятельности. Практика политического насилия и вооруженных мятежей способствовала формированию образа штурмовика как законного защитника права и порядка, инкорпорированного в другие парамилитаристски вооруженные группы послевоенной Германии, особенно Баварии. Автор подчеркивает большое влияние на СА политического круга капитана Эрхардта, способствовавшего формированию отрядов в начале 1920-х гг. Второе рождение СА в 1925-1926 гг. привело к структурной реорганизации отрядов, проведенной Ф. Пфеффером фон Заломоном, установившим военную структуру организации, модернизированную в 1930-е гг. Э. Рёмом(S. 75-77). Справедливо утверждение Д. Сименса о том, что на протяжении 1920-х годов СА не представляли собой массового феномена в политическом пространстве Веймарской республики, уступая аналогичным организациям социал-демократов аргументировано. Анализ политического насилия правых и левых радикальных групп показывает большую степень агрессии СА по сравнению с социал-демократами и коммунистами в начале 1930-х гг.(S. 95). Форма, практика насилия, автомобилизация СА способствовали привлечению в ее ряды

германской молодежи. В сознании молодежи создавался образ штурмовиков как современных крестоносцев, сражающихся против безбожия и дьявольской «еврейской республики». Автор отмечает значительный процент евангелической молодежи в рядах СА(S. 158-161). Однако на страницах исследования сложно составить представление о мировосприятии штурмовиков, на что автор обращает меньше внимания, чем на политическую деятельность. Личностный аспект биографий видных штурмовиков в основном ограничивается краткой характеристикой лидеров СА, в то время как следовало бы попытаться создать коллективный портрет нацистских штурмовиков, в котором были бы отражены как отдельные судьбы, так и влияние политической атмосферы тех лет на их политический выбор.

Рассматривая место СА в нацистском государстве, Д. Сименс утверждает о том, что штурмовики были силовым орудием нацификации Германии, что способствовало росту его численности. Переломным моментом в изменении роли СА была «ночь длинных ножей». Рассматривая эти события, автор утверждает о том, что гомосексуалистский аспект обвинения СА является политическим клише, направленным на дискредитацию организации. Д. Сименс подчеркивает, что гомофобия нацистского руководства передалась историографии(S. 243-246). После 1934 г. роль СА трансформировалась, но не следует говорить об исключении их из политики нацистов. Штурмовики заняли свою нишу, участвуя в борьбе компетенций в нацистском государстве в стремлении вернуть себе политическое влияние. Следует согласиться с тем, что штурмовики играли одну из ведущих ролей в уличной практике насилия в отношении евреев в предвоенной Германии, особенно в 1938 г., без участия которых эскалация насилия в «Хрустальную ночь» была бы невозможной(S. 265). Штурмовые отряды играли большую роль в подготовке допризывной молодежи, сделав упор на спортивной подготовке юношей. В годы войны они внесли свой вклад в переселенческую политику рейха, которая объединяла в себе довоенную идеологию и практику штурмовиков, а также служила средством восстановления политического влияния в нацистской поликратической системе. Д. Сименс делает вывод о том, что СА в полной мере было инкорпорировано в преступный мир нацизма(S. 374).

Монография Д. Сименса является обстоятельным исследованием истории штурмовых отрядов, охватывающим весь период их существования. Автор убедительно доказывает значительную роль штурмовых отрядов в политической практике нацизма как до 1934 г., так и после, в полной мере вписывая их деятельность в практику нацистского государства.

Breuer, Stefan: Die Nordische Bewegung in der Weimarer Republik. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. – 271 S. (Kultur-und sozialwissenschaftliche Studien. Bd. 18) - ISBN 978-3-447-11019-8

Бройер, Штефан: Нордическое движение в Веймарской республике. – Висбаден: изд-во Харрассовиц, 2018. – 271 с. (Научные исследования культуры и общества, т.18) - ISBN 978-3-447-11019-8

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00018>

Книга известного германского историка Штефана Бройера, специалиста по интеллектуальной истории немецкой консервативной и праворадикальной мысли первой половины XX в. во многом продолжает его предшествующие исследования, посвященные консервативной революции, кругу Ш. Георге и К. Шмитта, комплексу идей немецких правых и истории фёлькишеского движения, и анализирует динамику развития нордической мысли в годы Веймарской республики. Если обратить внимание на исследования германского историка последних тридцати лет, то можно увидеть его стремление к концептуальному рассмотрению истории германской консервативной и праворадикальной мысли веймарского периода. Данную работу Ш. Бройера во многом можно рассматривать как последний кирпичик в изучении правой мысли Веймарской республики, позволяющий, в конечном счете, увидеть всю мозаику нетривиальных консервативных и праворадикальных подходов к осмыслению общественных и национальных проблем германского общества того времени.

Образование нордического движения в Германии связано с публикацией в 1924 г. нордического манифеста Г.Ф.К. Гюнтера, известного к тому времени как автора книги «Расология немецкого народа». Само понятие нордизма было введено накануне Великой войны теоретиком расовой гигиены А. Плоетцем. Нордическое движение предполагалось как единство нордических групп, основанное на нордической идее, объединенной нордической кровью, обеспечивающее внутреннее единство немецкого народа. Ш. Бройер отмечает, что, несмотря на романтический реставрационный взгляд на нордическую историю, оно было ориентировано на будущее, приобретая черты современного массового движения, «движения нового дворянства»(S. 2). Автор подчеркивает, что целью исследования является осмысление круга нордической мысли, начиная с концепций Г.Ф.К. Гюнтера и Л.Ф. Клаусса через рецепцию нордических идей фёлькишеским движением и НСДАП. Фактически предпринимается ревизионистский взгляд на историю нордической мысли путем сбрасывания идеологических ширм, что позволяет уйти от рассмотрения нордического движения в рамках политической истории национал-социализма. Ш. Бройер склонен был видеть в нордическом движении движение «нового аристократизма», ставшего омнибусом для праворадикальным политическим силам Веймарской республики(S. 4, 6).

Ш. Бройер прослеживает формулирование идеи нордизма в период средневековья и Нового времени, обоснованно указывая на то, что с образованием Германской империи в 1871 г. это явление приобрело новое звучание и стало популяризоваться среди немецкого населения благодаря историческому литературному эпосу Ф. Дана «Борьба за Рим» и музыкальному эпосу Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов», где закладывалось противопоставление германского Севера римскому Югу, германских Богов католическому христианству(S. 15-17). На рубеже XIX – XX вв. нордическая идея сливается с расовой мыслью, которая стала приобретать политическую направленность после восприятия ее

пангерманским движением и ролью Г. Класа в ее распространении и популяризации в кайзеровском довоенном обществе. Отчетливее это проступает в интеллектуальном влиянии Х.С. Чемберлена на политические представления Г. Класа как лидера Пангерманского движения, связывавшего образование германской культуры через нордическое влияние(S. 43, 76).

Реконструируя интеллектуальное окружение творцов нордической идеи, историк отмечает воздействие на них современных идей ницшеанства, евгеники и расовой гигиены(S. 77). Конечно, назвать Гюнтера и Клауса учениками Фишера нельзя, но его лекции по расовой гигиене они посещали во Фрайбургском университете. Ш. Бройер отмечает восприятие идей расовой гигиены интеллектуальным окружением круга Ш. Георге, наиболее отчетливо выраженное в творчестве К. Хильдебрандта, влияние которого сильно испытывал Гюнтер. Считая себя его учеником, Гюнтер развил идею Хильдебрандта о том, что нордизм выражается в духе, а не в материальных проявлениях, с ним связана молодость и чувство прекрасного, духовно произрастающее из греческой культуры(S. 78-83). Ш. Бройер считал, что Гюнтер, вслед за Гобино, может рассматриваться как основатель расового аристократизма, а комплекс его идей представляет собой неогобинизм с сильным присутствием крестьянского компонента(S. 94, 97). Нордическая тема находила отражение в искусстве и научных работах, публицистических статьях в центральных и региональных изданиях. Существенную роль в установлении политических контактов с правыми группами сыграл Шульце-Наумбург, который был дружен с Гюнтером и с 1924 г. знаком с Гитлером, и оказал влияние на интеллектуалов, близких к нацизму, например, Р.В. Дарре. Ш. Бройер подметил важнейший эволюционный нюанс нордической идеи, состоящий в том, что Гюнтер рассматривал нордическое мировоззрение как цельное мировидение с нордическим идеализмом и дистанцировался от материалистических трактовок. Клаусс и Хильдебрандт опирались на идею духа в платоновской трактовке. Дарре же перешел от метафизики к законам телесности, выраженной в расовом вопросе(S. 123).

Большую роль в развитии нордической идеи сыграло образование в 1926 г. Нордического круга, который представлял собой объединение сторонников нордической идеи, не стремящихся к превращению в массовую организацию. Ш. Бройер отмечает близость Нордического круга к праворадикальным организациям веймарской Германии. Объединение в 1928 г. Нордического круга с Младонордическим союзом, с открытием совместного издания для пропаганды идей, сотрудничество с кругом Немецкой высшей школы и Объединением отечественных союзов, с Обществом расовой гигиены. Большую роль сыграло открытие в Берлине в 1930 г. Нордического дома(S. 124-125). Следует согласиться с автором в том, что распространение нордической идеи в германском послевоенном обществе связано с популяризацией работ Гюнтера, значение которых сложно переоценить для нордической пропаганды, ставших своего рода «второй Библией»(S. 129). Широкой политической кооперации способствовала идея «кольца», предполагающая не только персональное участие, но и возможность широкого сотрудничества. Нордическое движение устанавливало взаимосвязь с идеями скандинавского нордизма, ариософией Г. фон Листа и Германским орденом, Пангерманским союзом и фёлькишескими группами. К концу 1920-х гг. оно все больше ориентировалось на правый лагерь(S. 132-137).

Рассмотрение взаимодействия нордического движения и нацистской партии осуществлялось сквозь призму личных контактов, идейного воздействия и организационного включения. Ш. Бройер отмечает, что связующей личностью между нордическим движением и нацизмом выступал Шульце-Наумбург, координировавший культурно-политические вопросы у В. Фрика, вождя нацистской фракции в рейхстаге и игравшим ключевую роль в нацистском Боевом союзе за немецкую культуру. Следует согласиться с мнением автора о двойственности воздействия нордической идеи на нацистское руководство. С одной стороны, факельное шествие СА и Стального шлема перед балконом Гюнтера в 1930 г., его избрание профессором социальной антропологии

Йенского университета и прочитанная лекция о расовой миграции населения Германии в присутствии Гитлера, В. Фрика и других нацистских вождей указывают на симпатии и поддержку со стороны нацизма. С другой стороны, произошло подчинение нордического движения через интервенцию НСДАП, превратившее ее в нордическую направленность определенной партии. Прекращение внутренних конфликтов в Нордическом движении в 1930 г. и кооптация с нацистами на самом деле были пирровой победой нордического движения, лишившей его самостоятельности(S. 149, 152).

Начиная с 1932 г. Нордическое движение приобретает новые черты в результате слияния с фёлькишескими идеями и расовой доктриной. Все большее политическое сближение с нацизмом после 1933 г. делало невозможным какую-либо иную направленность политической мысли, кроме расовой нацистской идеи. В этой связи Ш. Бройер анализирует расовые и нордические представления нацистских вождей, отмечая эклектичность представлений А. Розенберга, его политическую демонизацию еврейства и католицизма, возложение на интернационализм ответственности за расовый хаос. Для А. Гитлера характерным было представление о героической расе, противостоящей расовому смешению, и его взгляды основывались на антисемитизме и геополитическом видении. На П. Й. Геббельса же нордические идеи вообще не оказали никакого влияния, в отличие от идей социальной революции(S. 210-219). Наибольшее воздействие нордическая идея оказала на представления Г. Гиммлера благодаря деятельности Р.В. Дарре. Это было связано с близостью Г. Гиммлеру идеи расовой элиты, связи нордизма и почвы. Благодаря его поддержке идеи нового дворянства нордической расы, высказанные Гюнтером и Шульце-Наумбургом, становились действительностью(S. 225-227). Ш. Бройер, говоря о полярности нордических представлений нацистской элиты, не учитывает аспект политической борьбы компетенций поликратического нацистского государства, что во многом определяло позиции нацистских вождей. Указывая на приспособление нордической идеи к нуждам национал-социализма и превращение ее в нордическую расовую идею, автор полагает, что окончательное поглощение нордического движения произошло в 1938 г., после чего «нордического движения в собственном смысле этого слова больше не существовало»(S. 237). Однако Ш. Бройер подчеркивает, что трансформированная нордическая идея, реализуемая в рамках переселенческой политики, и слившаяся с нацистским движением, сыграла свою роковую роль в годы Второй мировой войны. Автор подчеркивает, что смерть миллионов человек в ходе войны произошла, в том числе, и из-за восприятия нордической идеи нацизмом. Трагическая гибель 3 млн. советских военнопленных к концу 1941 г. была следствием не только немецкой амбивалентности по отношению к востоку, Азии, но и следствием восприятия нордических идей, которые должны разделить свою степень ответственности за произошедшее(S. 250). Такой подход в отношении нордической идеи следует понимать в ее нацистской унификации и инструментализации, где господствовала нордическая расовая идея, не имевшая иных коннотаций, кроме расистской интерпретации. Полемичность нордической идеи 1920-х годов имеет к этой интерпретации только историческое отношение.

Обстоятельное исследование Ш. Бройера является существенным прорывом в осмыслении правой политической мысли Веймарской республики, раскрывающую всю палитру взглядов оригинальных мыслителей и интеллектуальный вихрь идей, не сводимых только лишь к национал-социалистическому проекту.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 06.07.2021:
Первая публикация обзора на немецком языке на H-Soz-Kult 6 июля 2021 г.:

Axel Hüntelmann: Rezension zu: Turkowska, Justyna Aniceta: *Der kranke Rand des Reiches. Sozialhygiene und nationale Räume in der Provinz Posen um 1900*. Marburg 2020. ISBN 978-3-87969-436-5, In: H-Soz-Kult, 06.07.2021, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-93103

Turkowska, Justyna Aniceta: Der kranke Rand des Reiches. Sozialhygiene und nationale Räume in der Provinz Posen um 1900. Marburg 2020. ISBN 978-3-87969-436-5

[Турковская, Юстина Аницета: Больная окраина империи. Социальная гигиена и национальные пространства в провинции Познань на рубеже XIX–XX веков. Marburg 2020.]

Rezensent: Axel Hüntelmann, Institut für Geschichte der Medizin, Charite - Universitätsmedizin Berlin

Рецензент: Аксель Хюнтельман, Институт истории медицины университетского медицинского комплекса «Шарите», Берлин

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00034>

Литература по истории знания и институтов в области гигиены и бактериологии в Германии и других – в основном западноевропейских – странах в период до 1933 года до сих пор недостаточно часто обращала свой взор на восток. С выходом работы Катарины Кройдер-Зоннен о появлении, циркуляции и институционализации бактериологического знания в Польше¹ и монографии Юстины Аницеты Турковской, о которой и пойдет здесь речь, теперь имеются две фундаментальные вехи в истории гигиены и гигиенических институтов на территории современной Польши.

В то время как Кройдер-Зоннен рассматривает развитие бактериологии и создание Института гигиены в Варшаве (состоявшего в постоянном диалоге с другими бактериологическими институтами в Европе) с 1880-х годов до начала Второй мировой войны с точки зрения истории науки, Турковская выбирает преимущественно дискурсивно-исторический подход для своей истории (социальной) гигиены в прусской провинции Познань – регионе с высокой долей польскоязычного населения на востоке Германской империи. Хронологические рамки работы Турковской определяются основанием Королевского прусского института гигиены в Познани в 1899 году и передачей полномочий новым польским правителям в 1919 году.

В исследовании, задуманном как германо-польская история сплетения, рассматривается вопрос о том, как отражались в дискурсах и практиках социально-гигиенические меры, принимаемые в таком мультикультурном регионе, как Познань, где наряду с немцами (и немногочисленными евреями) проживало большинство населения, считавшееся и считавшее себя поляками (S. 12).

¹ Katharina Kreuder-Sonnen, *Wie man Mikroben auf Reisen schickt. Zirkulierendes bakteriologisches Wissen und die polnische Medizin 1885–1939*, Tübingen 2018, реzensiert für H-Soz-Kult von Katrin Steffen am 7.1.2020, <<http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-27590>> (29.06.2021).

В то же время регион на восточной периферии Германской империи подвергался «агрессивной политике германизации» (S. 14) со стороны прусского правительства и к нему применялась патологизирующая метафора «больная окраина империи» (S. 5).

По мнению автора, в подобном контексте гораздо важнее, нежели в других местах, не рассматривать социально-гигиенические меры и концепции по отдельности, а анализировать их как часть комплексного биополитического режима социального дисциплинирования.

На основании этого Турковская проводит дальнейшую дифференциацию своей исследовательской проблемы и задается вопросом: как «национальные болезни» были «интерпретированы в социально-культурной сфере, переведены в термины национальной политики и осмыслены с точки зрения биополитики», а также какие формы социально-гигиенического знания возникли и какие дискурсивные стратегии были приняты для его популяризации (S. 15). Таким образом, в исследовании речь идет о дисциплинарном и регулятивном потенциале гигиены и его использовании для решения национально-политических проблем в немецких и польских дискурсах. В дополнение к этому в работе рассматриваются соответствующие акторы социально-гигиенических дискурсов, формы сотрудничества и конкуренции между польско- и немецкоязычными социальными реформаторами и заинтересованными группами, а также процессы дискурсивных переговоров между прусской властной элитой и польским большинством населения.

Исследование основано на обширных архивных поисках в государственных архивах Познани, Быдгоща и Гнезно, Секретном Государственном Архиве Фонда Прусского Культурного Наследия и Федеральном архиве в Берлине, а также в нескольких церковных архивах. Особенно много материалов Турковская изучила в познаньском архиве. Она также проанализировала ежедневные газеты, отчеты о деятельности и публикации исследуемых ею ассоциаций и учреждений. Это всеохватное изучение немецко- и польскоязычных источников (и литературы) является большим достоинством исследования.

На примере трех так называемых «повальных болезней народа» – туберкулеза, венерических заболеваний и алкоголизма – Турковская рассматривает для обеих языковых групп в провинции Познань акторов, действующих в области социальной гигиены, соответствующие дискурсы, меры, принятые для борьбы с заболеваниями, такие как лекции и выставки как средство просвещения, и, наконец, «лечебные учреждения как места общественного выздоровления». Социально-гигиенические споры изучены с помощью дискурсивно-аналитического метода, при этом Турковская рассматривает и «все практики – как текстуальные, так и ориентированные на деятельность практики и стратегии в области популяризации» только с точки зрения дискурсивного метода (S. 20).

В качестве дополнительного методологического подхода включены подходы из постколониальных исследований, поскольку, как утверждает автор вслед за Дэвидом Блэкборном и Себастьяном Конрадом, колониальные фантазии Германии были направлены не столько на глобальный Юг, сколько на Восточную Европу (S. 24). Эта (пост)колониальная перспектива убедительна постольку, поскольку она заостряет наше внимание на патологизирующем восприятии восточной периферии со стороны немецких правителей, на связанных с этим утверждения о цивилизаторской миссии, на асимметрии власти между правителями и управляемыми в регионе, а также на процессы эмансипации польского населения в Познани.

За детальным введением и рассмотрением методов следуют основные исторические сведения о политической, социальной и конфессиональной ситуации в провинции Познань. Дальнейшие главы расположены в хронологическом порядке в соответствии с доминирующими социально-гигиеническими дискурсами. Вначале

рассказывается об основании Института гигиены в Познани и его размещении (или, скорее, о проблемах, связанных с размещением). В главе «Гигиенические ниши» представлены акторы, действовавшие в области социальной гигиены, а затем проанализированы социально-гигиенические дискурсы и нарративы о так называемых «повальных болезнях народа» - туберкулезе, венерических заболеваниях и алкоголизме. Последние две главы посвящены гигиеническим выставкам в провинции Познань как средству популяризации знания и лечебным учреждениям как местам терапевтического стационарного лечения туберкулеза и алкоголизма. Исследование строго структурировано, а сложно переплетенные уровни исследования (акторы, нарративы, популяризация знания) убедительно рассмотрены на примере трех распространенных заболеваний - опять же с разделением на немецко- и польскоязычные дискурсы.

В результате Турковская демонстрирует, как адаптировались в провинции Познань социально-гигиенические дискурсы, имевшие место в Германской империи (или в Европе). Речь шла отнюдь не только о проблемах здравоохранения и «повышении уровня здоровья народа». Скорее, борьба с туберкулезом всегда подразумевала обсуждение классовых вопросов; дискурсы о венерических заболеваниях затрагивали вопросы репродукции (и пола); а борьба с алкоголизмом была направлена, подспудно, на повышение уровня морали и нравственности. Более того, Турковская ясно показывает, как социально-гигиенические дискурсы функционировали в качестве биополитического инструмента для дисциплинирования нации и осуществления власти. Немецко- и польскоязычные социальные реформаторы почти не работали вместе – за исключением борьбы с туберкулезом, где им чаще всего удавалось договориться о преследовании общих целей, – а в основном пытались использовать социально-гигиенические дискурсы и меры каждая в своих целях. Турковская убедительно указывает на то, что немецкоязычные дискурсы были сфокусированы на «теле нации» и «повышении уровня здоровья народа», в то время как польскоязычные акторы пропагандировали меры социальной гигиены как вклад в укрепление польской нации и ее национального сознания.

В качестве еще одного вывода Турковская подчеркивает, насколько малое влияние на практике оказал Королевский прусский институт гигиены, основанный в 1899 году. Дискурсы и деятельность других немецкоязычных акторов также выглядят странно бессильными. Несмотря на то, что за спиной немецкоязычных ассоциаций (по борьбе с туберкулезом, венерическими заболеваниями, алкоголизмом) и социал-гигиенистов стояли немецкие должностные лица региона в качестве спонсоров и сподвижников, успешность их деятельности оставалась незначительной. В основном они ограничивались тем, что заимствовали выставки или брошюры из других частей империи без существенной региональной адаптации, а также не проявляли особого интереса к привлечению польскоязычного населения – хотя именно его якобы неудовлетворительное состояние здоровья требовало «улучшения».

Однако деятельность польскоязычных социальных реформаторов также не оправдала их собственных ожиданий. С одной стороны, им не удалось включить польскую интеллигенцию в число сторонников движения наряду с католической церковью; с другой стороны, их действия часто не имели большого влияния, поскольку им не хватало финансовой и организационной поддержки со стороны государственных институтов. Тем не менее, автор показывает, что польскоязычные акторы, безусловно, смогли завоевать пространство для действий, умея использовать ниши, созданные движением за реформу социальной гигиены. Уделяя особое внимание возникающим переговорным процессам, Турковская разрушает дихотомию правителей и управляемых, власти и бессилия.

В свете этих весомых выводов критика является второстепенной. Так, в главе об истории Познаньского института гигиены пропасть между большими ожиданиями, с которыми связано возникновение этого учреждения, и его достижениями, которые значительно отставали от них, объясняется кадровыми конфликтами, противоречиями между научными устремлениями и практикой, а также нехваткой ресурсов. Здесь, однако, необходимо было бы задаться вопросом, было ли это специфической особенностью периферии, или же это был типичный институциональный процесс, который можно было бы похожим образом описать и на примере других германских медицинских исследовательских учреждений того времени. Конфликты внутри Института гигиены нельзя объяснить и чисто личной неприязнью, поскольку споры между директором Института Эрихом Вернике и его подчиненным – руководителем отдела Отто Любаршем – имеют также научно-историческую составляющую: они были основаны на научных разногласиях между бактериологами, патологоанатомами и специалистами по социальной гигиене.

Работа построена так, что дискурсивно-исторический подход представляется вполне оправданным, но из-за того, что практически все внимание уделяется дискурсам, иногда возникает ощущение, что люди, практики и институты слишком сильно отходят на второй план. Так, например, влияние научных и социальных практик остается недостаточно полно изученным, тем более что в разных языковых сообществах они едва ли существенно различались. Также часто не принимаются во внимание расхождения между дискурсом и практикой (которую Турковская рассматривает на примере Института гигиены).

В силу вышесказанного это исследование производит позитивное впечатление своей наглядностью – особенно в последней главе, где говорится о санаториях как о местах выздоровления и становится ясно, что в действительности следует понимать под социальной гигиеной. Именно на примере этих мест становится ясно, что дискурсивно сконструированные границы между немецко- и польскоязычными сферами действия были весьма хрупкими. Это можно наблюдать на примере Павла Гантковского, который был активен как в немецко-, так и в польскоязычных ассоциациях, а также на примере Эриха Вернике, директора Познаньского института гигиены (чью эрго-биографию, написанную Эрикой Шульте, Турковская обошла вниманием²): ведь тот факт, что прусский, немецкий директор института, который к тому же участвовал в войне в качестве консультанта-гигиениста, после окончания войны помогал организовать передачу института в польские руки и что на церемонии проводов его в отставку, организованной польской стороной, прощальные слова в его адрес были сказаны в примирительном тоне, кажется весьма необычным.

В заключении к своей работе автор предвосхищает существенную критику, которая могла бы быть высказана в этой связи касательно ограничения исследуемого периода 1919-ым годом. Ведь после этого положение в Познани изменилось на противоположное: теперь этот регион находился уже не на периферии Германской империи, а на периферии Польской республики. Как изменились в связи с этим социально-гигиенические дискурсы и атрибуты, как изменилась работа Института гигиены и социальных реформаторов, какие социально-гигиенические меры теперь пропагандировались, описывались и осуществлялись? Юстина Аницета Турковская хотела бы, чтобы ее исследование воспринималось как некий толчок (S. 356), за которым действительно должны последовать дальнейшие работы.

² Erika Schulte, Der Anteil Erich Wernickes an der Entwicklung des Diphtherieantitoxins. Eine medizinhistorische Untersuchung zur Entwicklung der Serumtherapie am Beispiel des Diphtherieantitoxins unter Berücksichtigung der Bioergographie des Geheimen Medizinalrates Professor Dr. Erich Wernicke, Berlin 2001 (zugleich Diss. med. FU Berlin 2001).

Эти замечания не меняют общего вердикта, а именно: это плотно написанное и чрезвычайно информативное исследование, которому хочется пожелать большой читательской аудитории. Книга Турковской вносит фундаментальный вклад в историю социальной гигиены и медицины на востоке Германской империи и, в конечном счете, в историю социальной гигиены в Германии и Польше и в историю их взаимосвязей.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 22.11.2019:
Первая публикация обзора на немецком языке на H-Soz-Kult 22 ноября 2019 г.:

Annemone Christians: Rezension zu: *Thießen, Malte: Immunisierte Gesellschaft. Impfen in Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen 2017. ISBN 978-3-525-37053-7*, In: H-Soz-Kult, 22.11.2019, <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-25820>.

Thießen, Malte: Immunisierte Gesellschaft. Impfen in Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Rupprecht, 2017 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft 225). – 400 S. ISBN: 978-3-525-37053-7

[Тиссен, Мальте: Иммунизированное общество. Вакцинация в Германии в XIX и XX веках. Геттинген: Ванденхёк & Рупрехт, 2017 (Критические исследования по историографии 225).]

Rezensentin: Annemone Christians, Abteilung für Neueste Geschichte und Zeitgeschichte, Ludwig-Maximilians-Universität München

Рецензент: Аннемоне Кристианс, отделение новейшей и современной истории, Мюнхенский университет имени Людвига и Максимилиана

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00033>

На фоне жарких политических и социальных дебатов вокруг темы прививок Мальте Тиссен, руководитель Института региональной истории Вестфалии Краевого союза Вестфалия – Липпе, предлагает взглянуть на историю вакцинации в Германии в XIX и XX веках, ведь разногласия между противниками и сторонниками вакцинации подходят для того, чтобы стилизовать их под фронт борьбы за великое благо «здоровья». Более того, планы обязательной вакцинации дают весомые основания для споров о соотношении государственной власти и гражданского суверенитета.¹ Докторская диссертация Тиссена вызывает особенный интерес благодаря злободневной теме, поскольку обещает поведать современному читателю ранее малоизученную предысторию сегодняшнего немецкого дискурса о вакцинации. Но автор раздвигает свой эпистемологический горизонт еще шире, заявляя: история вакцинации должна рассматриваться не только как проблемная история социального государства, но также являться фундаментом исторического анализа общества знания. Ведь, поясняет Тиссен, речь идет и о написании истории будущего, поскольку вакцинация – это предупредительная мера, а значит работа с воображаемым и невидимым. Таким образом, Тиссен переходит в область исследования «истории безопасности» – разработкой которой он уже занимался ранее² – и интерпретирует «профилактику и прививки [...] как типичный признак современности» (с. 16).

Он пытается справиться с этой объемной рабочей программой, рассматривая объект своего исследования под четырьмя углами зрения: во-первых, он изучает иммунитет как «культурную историю политического»; во-вторых, рассматривает его как объект сциентизации; в-третьих, он хочет взглянуть на взаимосвязи и переплетения между наукой и экономикой, и наконец, его интересует «праксеология иммунитета», то есть история опыта вакцинации. Методологически Тиссен близко следует концепции

«секьюритизации», сформулированной Экартом Конце, которая объясняет определенные интервенции государства тем, как воспринимаются экзистенциальные угрозы.³

Исследование Тиссена охватывает длительный исторический период с 1870-х по 1990-е гг. В первых двух главах представлена хронология истории вакцинации, а также датируется ее цезура, а именно 1930-м годом; последние две главы посвящены рассмотрению иммунитета в двух политических системах Германии – сначала в ФРГ, затем в ГДР. Четыре главы основной части все имеют похожую структуру и соответствуют четырем углам зрения, намеченным во Введении: каждая глава начинается с подглавы «Акторы, институты и сферы деятельности», затем рассматриваются процессы производства и проблематизации знания о вакцинации, а также вопросы ее экономизации. Заключительный параграф каждой главы посвящен истории человеческого опыта, связанного с практикой «доступа к телу» в соответствующем ареале (и периоде) исследования. Как принцип повествования, такая проработка повторяющихся вопросов иногда кажется несколько статичной, но, с другой стороны, она имеет преимущество в том, что позволяет точно сопоставить те или иные аспекты.

В первой главе Тиссен прослеживает зарождение национальной политики в области здравоохранения, отправной точкой которой он называет введение обязательной вакцинации против оспы на территории всей империи. С помощью новой обязательной вакцинации государство смогло опробовать свою «компетенцию вмешательства» (стр. 130) и одновременно институционализировать ее. Хотя в Германской империи и Веймарской республике превращение здравоохранения в сферу, регулируемую правом, решительно продвинулось вперед, но этот процесс был порой не лишен амбивалентности, которая продемонстрирована Тиссеном на примере того, как в обществе обходились с обязательными прививками и с ущербом от вакцинации. «Государственная политика профилактики» использовала в основном не идеологический, а прагматический подход к внедрению принудительной вакцинации. Многие объясняют также выводы Тиссена о сциентизации профилактики: медики претендовали на все более важную роль в управлении обществом как научные консультанты политиков, но противовесом этому выступали «вопиющие пробелы в знании» (с. 132) – фатальная амбивалентность, которую можно проследить вплоть до нацистской политики «расовой гигиены».

Во второй главе Тиссен исследует значение иммунитета в национал-социалистической концепции «народного тела». Для его «лечения» был создан целый аппарат «расовой гигиены», состоящий из государственных и муниципальных медицинских учреждений. Тиссен выясняет, что программа политики здравоохранения НСДАП не включала никаких заметных инициатив по вакцинации – более того, из рядов натуропатов, а также из экспертных кругов «расовых гигиенистов» даже раздавались критикующие вакцинацию голоса. Однако в конце 1930-х годов парадигма профилактики приобретала все большее значение, и важную роль в этом играла тема иммунизации населения.

Два вывода этой главы особенно показательны. Во-первых, в отношении обязательной вакцинации в 1930-х годах можно наблюдать «скрытую либерализацию». Национал-социалистическая «биодиктатура» делала ставку отнюдь не на распространение обязательной вакцинации, а скорее на принцип «поддерживаемой добровольности» (стр. 159). В новых программах вакцинации – как, например, при введении прививки от дифтерии в 1934 году, – нацистский режим, пишет Тиссен, взывал к ответственности «разумных "фольксгеноссен"» (с. 200). Это усиливало социальное давление и тем самым способствовало нормированию иммунитета. Во-вторых, вперед выступили новые важные игроки – фармацевтические компании. Байер, Хёхст и

Берингверке (Bayer, Hoechst и Behringwerke) решительно продвинули выведение вакцин на рынок, а также придали государственным кампаниям по вакцинации беспрецедентный импульс благодаря своему профессиональному маркетингу, считает Тиссен. Наряду с этим международная экспансия компаний в Восточной Европе и агрессивная оккупационная политика нацистского государства в этом регионе оказывали взаимный катализирующий эффект.

В третьей главе автор показывает, что в Федеративной Республике Германии этот «коммерческий» подход к вакцинации получил значительное развитие. Он прослеживает, как, начиная с 1960-х годов, вакцины и знания о вакцинации становятся предметом международных отношений и как эти процессы взаимодействия и переплетения привели к «оповседневниванию иммунитета» (стр. 292). В политике вакцинации в ФРГ наблюдаются тенденции к дальнейшему нормированию иммунитета и к дисциплинированию граждан. Программы вакцинации, в рамках которых проводилась иммунизация уже против полиомиелита, столбняка, кори и т.д., следует понимать как выражение программы по устойчивому развитию населения, на которую, с одной стороны, влияло недоверие к индивидуальному поведению людей, а с другой – типичная для того времени эйфория планирования. Наряду с этим из дебатов о вакцинации того времени становится ясно, что одновременно речь велась и о дисциплинировании государства, т.е. вопрос защиты личности от государственного вмешательства стал приобретать все большее значение.

Характеризуя восточногерманскую политику вакцинации, Тиссен подчеркивает в последней главе, что иммунитет был центральным элементом обещания властей ГДР в области здравоохранения – процент привитых жителей в той или иной местности стал индикатором региональной эффективности и политической благонадежности. Несмотря на очевидные слабые места и (ресурсные) проблемы централизованной, управляемой государством системы здравоохранения ГДР, эти показатели были на удивление высокими. «Полный коллективный иммунитет» (стр. 350), тем не менее, оставался фикцией; концепцию иммунитета и в ГДР тоже следует понимать скорее как экран для социальных проекций. Особого внимания заслуживают взаимосвязи и переплетения в политике вакцинации между двумя немецкими государствами: для ФРГ мероприятия правительства ГДР в области здравоохранения долгое время являлись эталоном, и есть даже свидетельства исследовательских и торговых связей между этими двумя государствами помимо известной конкуренции между политическими системами. Например, в борьбе с новой вспышкой оспы в 1960-х годах явно были обозначены общие горизонты проблем.

Исследование Тиссена закрывает пробел в изучении немецких моделей социального государства начиная с 1870 г. Автор демонстрирует захватывающие идеологические традиции и праксеологические разрывы во «взаимодействии между профилактикой, безопасностью и беспечностью» (с. 353) и последовательно доказывает, что «насилие над личностью во имя всеобщего блага» не было «пережитком авторитарной империи, расистской “биодиктатуры” или планового социалистического режима» (с. 354 и сл.).

В дополнение к важным культурно-историческим выводам работы было бы желательно в некоторых местах представление количественных данных об уровне вакцинации, а также о негативных эффектах от прививок и случаях заболеваний. А выводы автора касательно коммерциализации вакцинации выиграли бы от учета архивных источников изученных фармацевтических компаний. В целом же это исследование хорошо читается, выдвигает сильные тезисы и вносит важный вклад в исторический анализ отношений между германским «государством профилактики» и его «обществом риска».

Примечания:

¹ Ср. напр.: Jochen Bittner, Der Pils und die Würde. Der Gesundheitsminister plant eine Impfpflicht. Dem könnte das Grundgesetz entgegenstehen, в: DIE ZEIT 43/2019, 17.10.2019, <https://www.zeit.de/2019/43/impfpflicht-grundgesetz-jens-spahn-gesundheit-infektionskrankheiten-erziehungsrecht> (14.11.2019).

² Nicolai Hannig / Malte Thießen (Hrsg.), Vorsorgen in der Moderne. Akteure, Räume und Praktiken, Berlin 2017.

³ Eckart Conze, Securitization. Gegenwartsdiagnose oder historischer Analyseansatz?, в: Geschichte und Gesellschaft 38 (2012), С. 453–467.

Перевод с немецкого: Мария Часовская (Maria Tschassowskaja)

Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 20.02.2020:
Первая публикация обзора на немецком языке на H-Soz-Kult 20 февраля 2020 г.:

Christian Sammer: Rezension zu: *Wahl, Markus: Medical Memories and Experiences in Postwar East Germany. Treatments of the Past. London 2019. ISBN 978-0-367-13870-7*, In: H-Soz-Kult, 20.02.2020, <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-28829>.

Wahl, Markus: Medical Memories and Experiences in Postwar East Germany. Treatments of the Past. London: Routledge, 2019. – XIV, 224 S. ISBN: 978-0-367-13870-7

[Валь, Маркус: Медицинские воспоминания и переживания в послевоенной Восточной Германии. Лечение прошлого. Лондон: Рутледж, 2019.]

Rezensent: Christian Sammer, Institut für Geschichte und Ethik der Medizin, Universität Heidelberg

Рецензент: Кристиан Саммер, Институт истории и этики медицины Гейдельбергского университета

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00032>

Невероятная история представлена в печатной версии диссертации Маркуса Валья. Речь идет о Вальтере Коринке, 1914 года рождения, члене СЕПГ и бывшем студенте медицинского вуза, не получившем диплом об окончании, но несмотря на это сделавшем головокружительную карьеру врача в СОЗ и ГДР. После работы в системе полевых госпиталей вермахта он стал сначала специалистом, а затем главным врачом ортопедической клиники в Дрездене. В 1959 году его арестовали за участие в драках и контрабанде, но спустя всего несколько месяцев восстановили в должности главного врача-ортопеда на зарплату медбрата. И только в 1964 году его сняли с этой должности, лишив права на осуществление какой бы то ни было медицинской деятельности, и предали его дело огласке. Если медицинские навыки, благодаря которым он и сделал карьеру, являлись не столько причиной его вынужденного увольнения, сколько, наоборот, основанием сознательно закрывать глаза на подделку документов и обман, то несоблюдение обязанности сообщать об инфекционных заболеваниях, передающихся половым путем, а также совершение незаконных аборт самозванцу не простили.

Вопросы о том, как такая биография стала возможной и какими последствиями для пациентов может обернуться преемственность кадров, находятся в центре исследования Маркуса Валья. Автор, используя конкретные примеры из практики, демонстрирует линию напряженности между оптимистичными в отношении прогресса идеологическими амбициями режима, ориентированного на будущее, и непрекращающимся влиянием национал-социалистического прошлого вплоть до середины 1960-х годов. Историки медицины и науки достаточно интенсивно проработали эту тему, ведь здесь затрагивается не только вопрос сохранения национал-социалистических идеологием и политики, завуалированных порой в иной контекст. Речь идет также об убедительном развенчивании мифа о якобы аполитичных (естественных) науках и по определению гуманной медицине.¹

Эту преемственность в медицинской культуре СОЗ и ранней ГДР Маркус Валь отслеживает на протяжении четырех глав: как на уровне отдельных врачей и пациентов,

так и в более широком контексте – на уровне социальных групп, организаций и центрального правительства.² Концепция «Medical Memories and Experiences» («медицинских воспоминаний и переживаний» (стр. 4)) служит ему, чтобы объяснить причины, по которым продолжали существовать интервенционистские и стигматизирующие концепции болезни и лечения, а также связать это с историей медицинского опыта. Анализируя отдельные случаи из Саксонии, Маркус Валь написал такую медицинскую *историю снизу*, которая (в очередной раз) поставила под сомнение тезис о «нулевом часе» и на конкретном примере показала степень перезагрузки общества в ранней ГДР. Для этого автор с должной рефлексией использовал значительный корпус источников, в который вошли документы по здравоохранению и кадровой политике из местных и центральных государственных архивов, некоторые эго- и фотодокументы, а также оперативные дела Министерства государственной безопасности.

В первой главе, благодаря, прежде всего, материалам из фондов архива нацистской документации Министерства госбезопасности, Валь удается реконструировать «плавный переход из одной системы в другую» («smooth transition between the systems») большого количества врачей (стр. 55). По мнению Валь, нехватка опытных врачей, вызванная в том числе усилиями по национализации системы здравоохранения режима СЕПГ, привела к тому, что новые правители вплоть до 1960-х годов, вопреки собственным громко сформулированным утверждениям о последовательном разрыве с (национал-социалистическим) прошлым, нередко демонстрировали готовность предать прошлое забвению и как минимум терпимо относились к тому, что люди переписывали собственное прошлое. СЕПГ как правило хватало молчаливого или формального согласия с новым государством, которое можно было обеспечить с помощью как партий блока, так и других массовых общественных организаций. Количественная оценка членства 128 врачей (попавших в поле зрения Министерства госбезопасности) в политических партиях до и после 1945 года, дифференцированная по возрастным когортам, подтверждает более ранние выводы Михаэля Катера и Анны-Сабини Эрнст.³

Из-за высокой степени преемственности кадров среди врачей, как объясняет Валь во второй главе, в лечении венерических заболеваний также сохранялись во многом прежние концепции. Вмешательства были направлены не столько на бактерии (с помощью пенициллина), сколько на людей как переносчиков сифилиса, гонореи, или триппера. Применяя такие инструменты защиты от эпидемий, как осуществляемые полицией и основанные на доносах выявление, наблюдение и изоляцию, сотрудники системы общественного здравоохранения и их коллеги-практики направляли свои усилия в первую очередь на борьбу с промискуитетом среди женщин. Они использовали и тем самым усиливали стигматизацию такого сексуального поведения. Согласно Валь, того же эффекта достигала сопутствующая пропаганда морали с помощью плакатов и выставок Дрезденского музея гигиены. Играя на человеческом страхе и угрожая наказанием, они клеймили промискуитет (особенно среди женщин) и алкоголь (как «сводника», стр. 99), пропагандировали ранние браки и сознательно контролируемую сексуальную жизнь «социалистической личности».

Для опыта детей военного времени преемственность в стиле «борьбы с венерическими заболеваниями» означала не только вторжение в частную социальную среду семьи интервенционистской социальной и медицинской политики, смешивающей сексуальные и социальные отклонения от нормы среди взрослых и игнорирующей реальность молодежной среды.⁴ Устойчивые медицинские концепции также не позволяли признавать огромное влияние на психику перенесенных ужасов войны. У современников не было возможности помыслить военную травму. Вместо этого психиатры и государственные врачи предпочитали объяснять психические расстройства

либо различиями в конституции и индивидуальной предрасположенностью, либо вредным влиянием социальных и экологических факторов. И то и другое, следуя концепциям неоламаркизма⁵, иногда считалось наследуемым. Таким образом воспроизводился евгенический образ мышления. А в работных и воспитательных домах дети и подростки, демонстрирующие девиантное поведение, становились «подопытными кроликами для создания новой личности, общества, социалистической страны» («guinea pigs for the influencing and engineering of a new personality, society, socialist country») (с. 135).

В последней главе Валь рассматривает в качестве примера один такой воспитательный дом. В «доме призрения» в Лойбене возвышенные мечты о движении к социализму столкнулись с инерцией прошлого. Здесь Валь подробно останавливается на конфликте между «старой элитой» и «истинными социалистами» (стр. 161). В то время как первые рассматривали этот неоднократно переименованный воспитательный дом для малолетних правонарушителей прежде всего как учреждение для лишения свободы и запугивания в традициях работных домов, вторые подчеркивали, что организации подобного типа являются местом для ресоциализации девиантной молодежи. И если общее отделение в основном выполняло последнюю функцию, то специальное отделение служило для содержания и принудительного лечения несовершеннолетних, у которых были выявлены венерические заболевания. Однако в послевоенной практике попытка превратить работный дом в учреждение социального призрения, которое должно было оказать (ре)социализирующее воздействие через создание социалистического общества в миниатюре и внедрение трудовой педагогики, направленной на развитие самостоятельности, потерпела неудачу. Ни полиция, ни медицинские и социальные службы, ни органы правосудия не хотели брать на себя ответственность за эту организацию. Обеспечить разделение молодежи на тех, у кого были диагностированы венерические заболевания, и тех, кто содержался в учреждении социального призрения, а также отделить эти две группы от рабочего персонала не удавалось. Уровень «постоянных или регулярных гостей» (стр. 183) оставался высоким. Лойбен как работный дом оставался клеймом, которое препятствовало реинтеграции его обитателей в якобы новое социалистическое общество.⁶

Язык, а также указатели и приложения *«Медицинских воспоминаний»* делают работу Маркуса Валя легко читаемой и по большей части доступной. Она подкупает тем, что каждая глава отражает текущее состояние исследований в соответствующей области, и тем, как интенсивно автор работает с опубликованными источниками. С помощью изучения нескольких интересных примеров он проливает свет на роль медицинских акторов и их концепций в выявлении и устранении норм (и отклонений от них) в контексте социальной инженерии при социализме.

Было бы желательно провести более точный анализ, а также контекстуализацию визуального материала, которые бы учитывали многослойность и поливалентность данного вида источников. Что касается концепции, то не всегда убедительно выглядит несколько дихотомическое противопоставление темного прошлого и светлого будущего, с одной стороны, и государственного исторического нарратива и индивидуальной адаптации – с другой. Ибо этим в определенной степени скрываются три феномена: циркулярность создания смысла опыта при обращении к видению истории и будущего в работе памяти; исторически более ранние альтернативные концепции, такие как немецкие традиции трудовой педагогики или эмансипативно-разрешающий потенциал в том числе и морализирующего медицинского просвещения; а также изменчивость социалистического мастер-нарратива в то время. Кроме того, для более убедительной аргументации в пользу агентности индивидов в ведении переговоров по поводу их биографии полезно было бы в большей степени типологизировать и систематизировать эго-документы не по линии принадлежности к возрастной группе, а по линии стратегий.

Иногда чтению мешают затянутые выводы, включающие не всегда хорошо сбалансированное сочетание пассажей, в которых намечается, осуществляется и обобщается анализ источников. В этой связи удивляют списки источников и литературы в конце каждой главы, что связано с желанием издательства сделать возможной публикацию отдельных глав как статей в Интернете. Может, это и соответствует практике и предпочтениям многих академических читателей, а с дублированием в библиографическом аппарате можно смириться. Однако более проблематичными видятся попытки автора выстроить по общей нити связное повествование, которое прослеживает единый процесс и не распадается на отдельные части: Маркусу Вальо не всегда удается эта цельность – отчасти из-за того, что рассказ о биографии Вальтера Коринека со всеми ссылками и отсылками он разделил на несколько глав. Однако он убедительно раскрывает отдельные грани своей темы и дает читателю впечатляющее представление о практике применения дискриминирующей медикализации девиантности в политике здравоохранения как следствии исторической преемственности медицинских работников и их концепций.

Перевод с немецкого: Мария Часовская (Maria Tschassowskaja)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Примечания:

¹ Cp. напр.: Wolfgang Woelk / Jörg Vögele (Hrsg.), *Geschichte der Gesundheitspolitik in Deutschland. Von der Weimarer Republik bis in die Frühgeschichte der „doppelten Staatsgründung“*, Berlin 2002; Rüdiger vom Bruch / Uta Gerhardt / Aleksandra Pawliczek (Hrsg.), *Kontinuitäten und Diskontinuitäten in der Wissenschaftsgeschichte des 20. Jahrhunderts*, Stuttgart 2006; Sigrid Oehler-Klein (Hrsg.), *Die medizinische Fakultät der Universität Gießen im Nationalsozialismus und in der Nachkriegszeit. Personen und Institutionen, Umbrüche und Kontinuitäten*, Stuttgart 2007; Jessica Reinisch, *The Perils of Peace. The Public Health Crisis in Occupied Germany*, Oxford 2013, прежде всего S. 95–147.

² Volker Roelcke, *Medikale Kultur. Möglichkeiten und Grenzen der Anwendung eines kulturwissenschaftlichen Konzepts in der Medizingeschichte*, in: Norbert Paul / Thomas Schlich (Hrsg.), *Medizingeschichte. Aufgaben, Probleme, Perspektiven*, Frankfurt am Main 1998, S. 45–63.

³ Michael H. Kater, *Doctors under Hitler*, Chapel Hill 1989; Anna-Sabine Ernst, „Die beste Prophylaxe ist der Sozialismus“. *Ärzte und medizinische Hochschullehrer in der SBZ/DDR 1945–1961*, Münster 1997.

⁴ Lutz Sauerteig, *Krankheit, Sexualität, Gesellschaft. Geschlechtskrankheiten und Gesundheitspolitik in Deutschland im 19. und frühen 20. Jahrhundert*, Stuttgart 1999, S. 89.

⁵ Cp. далее: Igor J. Polianski, *Von der Lockerung der Erbanlagen. Die Mitschurin-Biologie in der DDR*, in: Constantin Goshler / Till Kössler (Hrsg.), *Vererbung oder Umwelt? Ungleichheit zwischen Biologie und Gesellschaft seit 1945*, Göttingen 2016, S. 203–228.

⁶ Cp. также сравнительные исследования по ФРГ и ГДР: Greg Eghigian, *The Corrigible and the Incurable. Science, Medicine, and the Convict in Twentieth-Century Germany*, Ann Arbor 2015.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 07.01.2020:
Первая публикация обзора на немецком языке на H-Soz-Kult 7 января 2020 г.:

Katrin Steffen: Rezension zu: *Kreuder-Sonnen, Katharina: Wie man Mikroben auf Reisen schickt. Zirkulierendes bakteriologisches Wissen und die polnische Medizin 1885–1939. Tübingen 2018. ISBN 978-3-16-155064-5*, In: H-Soz-Kult, 07.01.2020,
<<https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-27590>>

Kreuder-Sonnen, Katharina: Wie man Mikroben auf Reisen schickt. Zirkulierendes bakteriologisches Wissen und die polnische Medizin 1885–1939. Tübingen 2018. ISBN 978-3-16-155064-5

[Кройдер-Зоннен, Катарина: Как отправляют в путешествие микробы: циркулирующее бактериологическое знание и польская медицина 1885–1939 годов. Тюбинген 2018.]

Rezensentin: Katrin Steffen, Nordost-Institut an der Universität Hamburg, Lüneburg

Рецензент: Катрин Штеффен, Северо-Восточный институт при Гамбургском университете, Люнебург

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00031>

История знания в странах востока Центральной Европы и в Польши, а также глобальные связи ее акторов до сих пор были несколько обойдены вниманием как в истории науки, так и в истории Восточной Европы – это несправедливо, потому что исследование Катарины Кройдер-Зоннен показывает, насколько захватывающей и инновационной может быть эта область исследований. Она рассматривает трансрегиональные и транснациональные связи польских специалистов в области медицинской науки и циркуляцию бактериологического знания в период с конца XIX века до кануна Второй мировой войны. Центральные вопросы работы – как перемещались те или иные знания, как они смогли закрепиться в разных местах, когда и почему, и какие логистические усилия потребовались для этого от различных акторов. Она была написана в качестве диссертации в Гисенском университете и была удостоена премии Хедвиг Хинце за лучшие диссертации на Конгрессе историков Германии в Мюнстере.

Подобная высокая оценка, вероятно, в немалой степени обусловлена тем, что исследование основано на продуманной теоретико-методологической концепции. Кройдер-Зоннен опирается на реляционализацию исторического анализа Бруно Латура и акторно-сетевую теорию (ANT), которую она убедительно внедряет в свою исследовательскую практику. Теории Бруно Латура расширены в работе Кройдер-Зоннен подходами из постколониальных исследований, использующими, например, концепцию культурного трансфера Мишеля Эспаня. В этих работах трансфер знания всегда понимается как процесс циркулярный и динамичный, даже при асимметричных отношениях власти. В сочетании с латуровской концепцией мобилизации знания возникает теоретическая рамка, которая задает структуру исследования с самого начала и в большой мере обеспечивает его убедительность.

Следуя избранным ею теоретическим подходам, автор в своем анализе циркуляции знания постоянно подчеркивает важность нечеловеческих акторов, в число которых входят как пробирки, так и хорошие дороги, и подопытные кролики, и вши. В данной работе с большой пользой применены результаты тщательного наблюдения и плотного описания таких нечеловеческих акторов и местных практик, а также встраивания этих местных практик и их плодов в глобальные пространства циркуляции знания.

Автор разделила свое исследование на три раздела, которые определяют широкий (как географически, так и тематически) горизонт работы: в первом разделе речь идет о возникновении сетей бактериологических лабораторий, начало которым положили Роберт Кох в Берлине и Луи Пастер в Париже. В конце XIX века там находились центры бактериологии, притяжение которых распространялось и на разделенные польские территории. Так называемый «отец польской бактериологии», пионер медицинских исследований Одо Буйвид, ознакомился с диагностическими практиками в Берлине и приобрел знания о вакцинации в Париже. Кройдер-Зоннен анализирует конспекты, записи и рисунки, сделанные Буйвидом в Берлине, как инскрипции бактериологической лаборатории. Буйвид переправил их в Варшаву, чтобы обучить местных врачей тому, что Людвик Флек назвал бактериологически «направленным зрением» и закрепить бактериологическое знание в практической работе польских врачей.

Специфическое развитие польской бактериологии в XIX веке, столкнувшееся с доминированием национального движения за гигиену в Царстве Польском и в Галиции – движения, в которое бактериология первоначально могла внести лишь незначительный вклад, – постоянно рассматривается исследовательницей в сопоставлении с более масштабными процессами в Европе и мире. Автору удастся отчетливо показать изменения и трансформации, которые начались, например, после цезуры 1918 года, когда было вновь создано польское национальное государство, а проект по формированию сети бактериологических лабораторий приобрел новую, мобилизующую динамику. Во втором разделе Кройдер-Зоннен анализирует, как государственные акторы, начиная с новооснованного Государственного института гигиены в Варшаве, на первое место ставили упорядочение территорий, с тем чтобы стабилизировать новую государственную структуру, в том числе с помощью системы здравоохранения. Здесь автор подчеркивает важность здорового населения для концепций строительства национального государства в Новейшее время, которые можно наблюдать и во многих других уголках и регионах мира. Однако на местах амбициозные цели часто наталкивались на очень практические препятствия, так что не везде удавалось расширяться и создать бактериологические лаборатории по всей Польше. Здесь большую роль сыграли вопросы опыта, инфраструктуры, практик работы с лабораториями и их оборудованием, а также культуры знаний: местная обусловленность генерации и внедрения знаний стала очевидной.

В третьей и последней главе автор прослеживает глобальное циркулирование знаний о сыпном тифе, которые она – в основном из-за большой эпидемии сыпного тифа в восточной Польше и России в период с 1919 по 1921 гг. – характеризует как "катализатор создания централизованной и бактериологически обоснованной эпидемической бюрократии" (S. 221). Центральной фигурой в появлении нового экспертного знания об этой болезни, несомненно, был работавший во Львове врач Рудольф Вайгель, чья вакцина против сыпного тифа считалась лучшей в мире до конца Второй мировой войны. Здесь вновь проявляется локальная и временная привязка знания, которая уже подчеркивалась в предыдущих главах. Автор демонстрирует, что бактериологические исследования сыпного тифа были связаны с эпидемиологическими условиями, в которых работали исследователи, а они часто работали на периферии – например, во Львове. Начав со Львова, Кройдер-Зоннен показывает, как

бактериологическое знание о тифе создавалось и в других якобы периферийных местах, таких как Тунис или Мехико, и затем циркулировало по всему миру. На этих перифериях появились эксперты и экспертное знание, которые впоследствии стали востребованы во всем мире.

Таким образом автор убедительно разрушает резкую грань между периферией и центром, и в этом заключается особая ценность ее исследования. Кройдер-Зоннен опровергает часто встречающуюся в истории науки (и не только в ней) парадигму, в которой Западной Европе отводится роль колыбели многих знаний, и призывает к тщательному пересмотру этой парадигмы.

Оригинальность мышления автора сопровождается ясным и точным языком, который также способен представить сложные процессы в истории науки в превосходной читабельной и понятной манере. Соответствуя теме, диссертация основана на широкой базе архивных документов со всей Европы. Исследование также опирается на доскональное знакомство с исследовательской литературой всех объединенных в работе направлений исторической науки, включая аспекты гендерных исследований и истории меньшинств.

В целом, проведенный автором анализ местных практик и трансфера знания в бактериологии образцово показывает, как можно изучать движение знания во всей его динамичности. Она показывает, как вырабатывается знание, как оно может стабилизироваться в определенных сетевых структурах и как оно меняется в процессах трансфера. Таким образом автор убедительно доказывает, что знание не может просто или каким-то образом путешествовать, оно требует конкретной логистики, которая в первую очередь и делает эти путешествия возможными. Изучив приведенные примеры, можно только согласиться с призывом автора «расширить разнообразный интерес к трансферу знания и культуры в исторических исследованиях, добавив к нему такой аспект, как нечеловеческие акторы» (S. 298). Таким образом, исследование выходит за рамки как региона Польши/востока Центральной Европы, так и дисциплинарной истории бактериологического знания. В этом отношении его следует приветствовать как важный компонент в тенденции к более полному учету локальных и глобальных связей при изучении истории науки Восточной Европы¹.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

¹ В качестве свежего примера движения в этом направлении можно указать на создание исследовательской платформы History of Science in Central, Eastern and Southeastern Europe в интернете – см. <https://hpscseec.blogspot.com/> (15.12.2019).

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 05.10.2020:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 5 октября 2020 г.:

Henning Tümmers: Rezension zu: *Hitzer, Bettina: Krebs fühlen. Eine Emotionsgeschichte des 20. Jahrhunderts. Stuttgart 2020. ISBN 978-3-608-96459-2*, In: H-Soz-Kult, 05.10.2020, <<https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-29807>>.

Hitzer, Bettina: Krebs fühlen. Eine Emotionsgeschichte des 20. Jahrhunderts. Stuttgart: Klett-Cotta, 2020. – 540 S. – ISBN: 978-3-608-96459-2

Хитцер, Беттина: Чувствовать рак. Из истории эмоций двадцатого века. Штутгарт, 2020. – 540 с. – ISBN: 978-3-608-96459-2

Rezensent: Henning Tümmers, Institut für Ethik und Geschichte der Medizin, Eberhard Karls Universität Tübingen

Рецензент: Хеннинг Тюммерс, Институт этики и истории медицины, Университет Эберхарда и Карла, Тюбинген (Eberhard Karls Universität Tübingen)

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00030>

Работа носит название, которое, с одной стороны, вполне понятно, с другой же – может ввести читателя в заблуждение. Читателя этой книги, основанной на докторской диссертации Беттины Хитцер, ждет исследование, которое дает богатую пищу для размышлений, но цель которого – вопреки тому, что название «Чувствовать рак» наталкивает на такие мысли, – главным образом, не в том, чтобы познакомить читателя с эмоциональным миром онкологических пациентов. Основное внимание исследовательницы, получившей за эту книгу премию Лейпцигской книжной ярмарки в категории «Нон-фикшн» (2020), направлено на «отношение к чувству», или на так называемые «эмоциональные режимы» (с. 28), доминирующие в медицине и в обществе. С этой целью объектом ее исследования, основанного на многочисленных источниках из федеральных, региональных и университетских архивов, выступает Германия, а именно в период с конца XIX в., когда тема рака зазвучала в публичной сфере, до 1990-х гг., которые Хитцер провозглашает исходной точкой «нового ракового режима» (с. 19). Помимо получения новых знаний об отношении к такому явлению, как рак, по-прежнему представляющему собой экзистенциальную угрозу, побудить к чтению этой книги может еще кое-что, а именно – вопрос: как писать историю эмоций XX века?

Для того, чтобы проанализировать развитие нормативных эмоциональных режимов и конъюнктур таких эмоций, как страх, надежда и отвращение в связи с этой болезнью, автор очерчивает четыре вида «пространств», в которых люди встречались с ней: «пространства изучения», «пространства раннего выявления», «пространства сообщения

диагноза», «пространства лечения, дальнейшего существования или умирания» (с. 22). Эта классификация определяет и структуру самой работы, отправной точкой которой является предположение, что «неопределенность» (ср. с. 19слл.) была одной из главных характеристик истории рака после 1900 г. и что она влияла как на этиологию этой болезни, так и на индивидуальные прогнозы больных с таким диагнозом. За счет этого активировались «затяжные процессы управления эмоциями, отношения к ним и эмоциональные практики» (с. 21). В краткой версии определения (развернутая версия находится на с. 13) Хитцер характеризует эмоции как «универсальные (как принципиальную способность чувствовать)», «индивидуальные (как до определенной степени неповторимое управление эмоциями конкретным человеком)» и «исторические (как результат этих процессов управления, отражающийся в социальной коммуникации)» (с. 14).

В первой главе автор задается вопросом, с каких пор и почему медики стали интересоваться эмоциями в привязке к онкологии; при этом она уделяет особое внимание прорыву, который в 1970-х гг. был достигнут в области исследования психосоматической проблематики рака. Хитцер показывает, что уже с конца XIX в. в медицинских кругах периодически обсуждался вопрос о роли эмоций в возникновении этого заболевания, однако решающего успеха этот подход тогда не достиг. Так, в первой трети XX в. Георг Гроддек определял рак, в числе прочего, как реакцию тела на скорбь, но его подход не получил признания, потому что, обнародуя результаты своих исследований, он не мог одновременно предложить и основанную на них эффективную методику терапии рака. Кроме того, его данные невозможно было подтвердить экспериментально. Хотя с конца 1920-х гг. сторонники так называемого «Нового немецкого искусства врачевания» – движения, противопоставлявшего себя доказательной медицине, ориентированной на естественнонаучный подход, – способствовали тому, что в обществе стали шире признаваться альтернативные объяснения заболеваний, все же окончательно проложить себе дорогу в научной среде психосоматические концепции смогли лишь в 1960-х гг., когда их приверженцы стали брать на вооружение эмпирические методы из международных исследований стресса.

Вторая глава посвящена роли страха и надежды в контексте просветительской деятельности в области онкологии, соотношение которых ответственные за такое просвещение работники должны были тщательно уравнивать. Хитцер указывает на господствовавшие в то время в медицине полярные точки зрения на страх: с одной стороны, он воспринимался как «целесообразное, мотивирующее на действия чувство» (с. 116), которое должно заставить заболевшего обратиться к врачу; с другой стороны, как парализующая эмоция, «гасящая внутреннюю жизненную энергию» (с. 117). В конце 1920-х гг. последовали другие концепции страха: «морализирующий страх» (с. 127), который возложил на плечи пациентов ответственность за собственное здоровье, или страх, который после 1933 г. трансформировался в индикатор «неполноценности», если пациент не противопоставлял ему «мужество». В разделенной Германии, констатирует Хитцер, действовали различные политики в отношении эмоций: в то время как в ГДР упор делался на «социалистическую жизнерадостность» (с. 146), что не оставляло места для страхов, в ФРГ страх продолжали морализировать, с целью уберечь семью как основную ячейку общества от распада вследствие смерти кого-либо из ее членов. По мнению автора, самое позднее, в 1970-х гг. в Западной Германии целью стало уже не предупреждение болезни, мотивированное страхом, а восстановление здоровья на основе положительных эмоций (ср. с. 164сл).

В третьей главе описывается, как врачи сообщали или не сообщали пациентам об их онкологическом диагнозе. Вплоть до 1970-х гг. в Германии сообщать пациенту, что по результатам обследования у него обнаружен рак, запрещалось – чтобы не отнимать у него надежду на выздоровление, которая считалась «вспомогательным средством» при лечении (с. 196). Причиной того, что в последней трети XX века в этом наметились изменения, стала, по словам автора, судебная практика: с конца 1950-х гг. суды стали подчеркивать, что врач обязан информировать пациента о его болезни, а пациент имеет право сам определять свою судьбу. Второй причиной стали сообщения, содержавшие высказывания известных людей, страдавших онкологическими заболеваниями, – например, министра иностранных дел США Джона Фостера Даллеса – о том, насколько важно больным достоверное информирование о состоянии их здоровья. Однако свою роль сыграл и «психологический бум» 1970-х гг. – появление всё большего числа психотерапевтических теорий и подходов – благодаря ему практика честного информирования пациентов закрепилась и была открыта дорога для теорий, объясняющих происхождение раковых заболеваний психосоматическими причинами.

В четвертой главе автор анализирует находившуюся в силу появления инновационных медицинских технологий «в постоянном изменении архитектуру пространства опыта онкологического заболевания [...], чтобы попытаться ответить на вопрос, как динамическая структура этого пространства изменяла опыт и эмоции болеющих раком людей и их близких, но также и как сама она менялась под влиянием эмоций и интерпретированного опыта людей, находившихся в этом пространстве» (с. 280). Но на самом деле мы очень мало узнаём о чувствах заболевших: «О том, с какими мыслями и чувствами пациенты прибывали в хирургические отделения клиник, – поясняет автор, – для первой половины XX в. практически нет их собственноручных записей» (с. 290). Вместо этого исследовательница подробно рассказывает нам об операционной практике после 1900 г. или о повседневной жизни в прообразах нынешних хосписов. В некоторых местах повествования она упоминает эмоции – например, надежду: некоторые пациенты надеялись на то, что, даже находясь в специальном заведении для неизлечимо больных, они все же вылекутся. Затем следует анализ новых, появившихся после 1945 г., «пространств опыта» (это реабилитационные учреждения, кабинеты лучевой и химиотерапии), в рамках которого чувства вновь оказываются в центре внимания автора. Так, утверждает исследовательница, с появлением химиотерапии возникло такое явление, как отсрочивающая смерть «ремиссия» – новое, связанное с надеждой, «состояние между здоровьем и болезнью» (с. 389).

В целом можно сказать, что Беттина Хитцер представляет вниманию читателя пространное исследование по истории рака, которое держится на большом количестве конкретных примеров, написано с большой чуткостью по отношению к чувствам, и уже хотя бы поэтому от него трудно оторваться. Те, кто не силен в истории медицины, смогут, к тому же, ознакомиться, помимо собственно темы исследования, с теориями и пространствами практики современного «искусства врачевания». В некоторых местах, правда, можно было бы избежать слишком подробного рассказа об этом, а вместо этого не помешало бы прояснить кое-какие понятия: что подразумевается под «одеянием чувств» (с. 11)? Как соотносятся друг с другом «эмоции» и исследуемый в четвертой главе «опыт»? Является ли надежда эмоцией? Кроме того, характерные признаки переломного момента, который, как констатирует Хитцер, наступил в 1990-е гг., можно было бы проанализировать в одном месте более сфокусированно. Ко всему прочему, подробные контекстуализирующие пассажи (ср., например, главы 3 и 4) приводят к тому, что – как сама автор признает в заключении – «красная нить повествования» временами блекнет (с. 393). Поэтому в конце

она обстоятельно представляет вниманию читателя результаты своего исследования, имеющие отношение к истории эмоций: в духе классического заключения, резюмирующего выводы всех четырех глав, в форме сжатого анализа релевантности для современников той или иной эмоции (страха, надежды или отвращения), и с учетом вопроса о процессах рационализации и сциентизации эмоций в XX в. Все это не только легитимирует ее контекстуализирующие пассажи длиной в страницу, но и дает нам ответ на поставленный в начале вопрос, как сегодня можно писать историю эмоций: «Ткань истории эмоций можно соткать лишь из множества разноцветных нитей. Исторический облик чувств нельзя понять, рассматривая их изолированно от контекста, как нельзя и объяснить их влияние на практики, знание, пространства и вещи только исходя из общих представлений о воздействии, оказываемом чувствами» (с. 394).

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 02.06.2021:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 2 июня 2021 г.:

Adrian Lehne: Rezension zu: *Haus-Rybicki, Sebastian: Eine Seuche regieren. AIDS-Prävention in der Bundesrepublik 1981-1995. Bielefeld 2021. ISBN 978-3-8394-5401-1*, In: H-Soz-Kult, 02.06.2021, <<https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-95424>>.

Haus-Rybicki, Sebastian: Eine Seuche regieren. AIDS-Prävention in der Bundesrepublik 1981-1995. Bielefeld: Transcript – Verlag für Kommunikation, Kultur und soziale Praxis, 2021. – 411 S. – ISBN: 978-3-8394-5401-1

[Хаус-Рыбицки, Себастиан: Управлять эпидемией: профилактика СПИДа в ФРГ в 1981-1995 гг. Билефельд, 2021.]

Rezensent: Adrian Lehne, Friedrich-Meinecke-Institut, Freie Universität Berlin

Рецензент: Адриан Лене, Институт Фридриха Майнеке, Свободный университет Берлина (Freie Universität Berlin)

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2021-00029>

Литературо- и медиавед Бригитте Вайнгарт в своей книге, вышедшей в 2002 г., описала дискурс о СПИДе как о болезни «Других». С появлением темы СПИДа, считает Вайнгарт, общество заново договаривается о границах: «Здесь идет речь о телесных границах, социальных границах, границах между Своим и Другим [...]»¹. Под этим углом зрения она взглянула на ВИЧ/СПИД в контексте прежних эпидемий и инфекционных заболеваний, таких как чума. Не в последнюю очередь и пандемия ковид-19 вновь пробудила интерес к истории ВИЧ/СПИДа и обнажила необходимость исследовать этот вопрос². Исследования в области истории ВИЧ/СПИДа находятся пока – по крайней мере, что касается Германии – в зачаточном состоянии³. Первой монографией на эту тему стала

¹ Brigitte Weingart, *Ansteckende Wörter. Repräsentationen von AIDS*, Frankfurt am Main 2002, S. 21.

² Ср. в т.ч.: Norbert Frei, Vorläufig, in: *Süddeutsche Zeitung*, 30.12.2020; Forum: Corona-Lektüre – Henning Tümmers über Susan Sontag, in: H-Soz-Kult, 15.04.2020, <https://www.hsozkult.de/debate/id/diskussionen-4970> (05.05.2021); Forum: Zeiterfahrung und Geschichte. Wie ändert die Corona-Pandemie unseren Blick auf die Vergangenheit?, in: H-Soz-Kult, 27.11.2020, <https://www.hsozkult.de/debate/id/diskussionen-5076> (05.05.2021).

³ Ср. в т.ч. исследования, посвященные движению за права гомосексуалов и секс-работниц: Magdalena Beljan, *Rosa Zeiten? Eine Geschichte der Subjektivierung männlicher Homosexualität in den 1970er und 1980er Jahren der BRD*, Bielefeld 2014; Sebastian Haunss, *Identität in Bewegung. Prozesse kollektiver Identität bei den Autonomen und in der Schwulenbewegung*, Wiesbaden 2004; Mareen Heying, *Huren in Bewegung. Kämpfe von Sexarbeiterinnen in Deutschland und Italien, 1980 bis 2001*, Essen 2019. О подходах в истории эмоций и историческом дискурсе ср.: Magdalena Beljan, *Unlust bei der Lust? AIDS, HIV und Sexualität in der BRD*, in: Peter-Paul Bänziger u.a. (Hrsg.):

изданная в 2017 г. Хеннингом Тюммерсом работа, посвященная развитию политики в отношении СПИДа в ФРГ и ГДР. Она описывает, главным образом, дискуссии между политическими силами, а также роль научной экспертизы⁴.

В своей книге «Управлять эпидемией», в основу которой положена представленная в 2019 г. в Марбургский университет диссертация, Себастиан Хаус-Рыбицки продолжает начатое Тюммерсом, но выходит далеко за пределы того, что было до сих пор исследовано по этой теме. По его мнению, история профилактики СПИДа позволяет анализировать общие изменения в политической и культурной истории второй половины XX века. Чтобы это продемонстрировать, он концентрирует внимание на двух главных группах, подверженных заболеванию СПИДом: это люди, употребляющие наркотики, и гомосексуальные мужчины. Однако затем он также исследует роль движения по созданию групп взаимопомощи ЛЖВС и их взаимодействие с государственными структурами. При этом автор не ограничивается изучением вопроса только на федеральном уровне, а систематически рассматривает и Франкфурт-на-Майне как один из локальных центров. Хаус-Рыбицки выбрал этот город, в частности, из-за того, что с 1970-х гг. в нем было, по сравнению с остальными городами ФРГ, особо велико число людей, употребляющих героин, и, как следствие, можно было наблюдать взаимосвязь между политикой по борьбе с наркотиками и профилактикой СПИДа. Рассматривается временной отрезок с 1981 г. (СПИД впервые описан в США) до середины 1990-х гг. (стали доступны схемы высокоактивной комплексной терапии).

Автор опирается на обширный пласт источников. Наряду с документами из Федерального архива и Городского архива Франкфурта Хаус-Рыбицки задействует очень разнородные по своему характеру материалы движения гомосексуалов, газеты и журналы, а также материалы некоммерческой организации помощи больным СПИДом «Deutsche AIDS-Hilfe». Книга имеет хронологическую структуру; в ней описываются три этапа, которые прошла ФРГ в процессе выстраивания политики в отношении ВИЧ/СПИДа. В каждой из восьми глав рассматривается или та или иная группа затронутых этой проблемой людей, или политика, которую в этом отношении проводили во Франкфурте-на-Майне.

В первой части работы «Болезнь Других (1981–1986)» Хаус-Рыбицки прослеживает историческую траекторию темы ВИЧ/СПИДа – как получилось, что ее стали широко обсуждать в ФРГ. Из первой главы мы узнаем, что сначала СПИД воспринимали как болезнь гомосексуальных мужчин. Те поначалу видели в ней не только опасность для здоровья, но и опасность политическую – угрозу ущемления своих прав, которых они добились в 1970-х гг. В то же время в министерствах отдельных земель рассматривали введение противоэпидемических мер по стандартным схемам, которые, однако, не удалось реализовать (с. 74). В следующей главе автор описывает, как силами мужчин-гомосексуалов формировались группы самопомощи больных СПИДом (AIDS-Hilfen). Новообразованные организации демонстрировали чувство собственного достоинства и уверенность в себе при общении с государственными инстанциями, но в то же время хотели с ними сотрудничать (с. 115сл). Другой сценарий, при котором ВИЧ/СПИД могли распространять и

Sexuelle Revolution? Zur Geschichte der Sexualität in Deutschland seit den 1960er Jahren. Bielefeld, 2015, S. 323–345; Peter-Paul Bänziger: Vom Seuchen- zum Präventionskörper? Aids und Körperpolitik in der BRD und der Schweiz in den 1980er Jahren, in: Body Politics 2 (2014), Heft 3, S. 179–214, http://bodypolitics.de/de/wp-content/uploads/2015/07/Heft_3_09_baenziger_aids_End.pdf (05.05.2021); у него же: Konstellationen und Koalitionen im Sprechen über Aids in den 1980er Jahren, in: Achim Landwehr (Hrsg.): Diskursiver Wandel. Wiesbaden, 2010, S. 31–51.

⁴ Henning Tümmers, AIDS. Autopsie einer Bedrohung im geteilten Deutschland, Göttingen 2017; рецензент - Zülfükar Çetin, in: H-Soz-Kult, 29.05.2018, <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-25306> (05.05.2021).

гетеросексуалы, стал предметом серьезных обсуждений с 1985 г., что привело к тому, что «общественное сознание стало устойчиво воспринимать это заболевание как проблему» (с. 164). Третья глава знакомит нас с тем, как удалось реализовать политику профилактики, в основу которой легли личная ответственность и взаимодействие с пострадавшими от ВИЧ/СПИДа – ее проводили федеральное и региональные правительства, организация AIDS-Hilfe, эксперты в области медицины и социальных наук. Хаус-Рыбицки называет такую политику «либеральным консенсусом в отношении СПИДа». Эта политика, однако, не была лишена противоречий – в исследовании это проиллюстрировано на локальном уровне: во Франкфурт-на-Майне поначалу делали упор на принуждение и контроль – в особенности, если речь шла об употребляющих наркотики (с. 165).

Темой второй части исследования, озаглавленной «Чрезвычайное положение», служит уплотнение дискурса о ВИЧ/СПИД, которое пришлось на период с 1987 по 1989 гг. Из главы 4 мы узнаем, как вышеназванный либеральный консенсус натолкнулся на неприятие в кругах консерваторов. Например, преимущественно политики партии ХСС из федеральной земли Бавария расценивали анти-СПИД-кампанию как средство продвижения консервативной общественной политики. Такие свои намерения они реализовали, издав так называемый Баварский комплекс мер против СПИДа, ознаменовавший отход правительства земли Бавария от либерального консенсуса в отношении СПИДа. Хаус-Рыбицки, тем не менее, полагает, что по итогу дебатов вокруг этого комплекса мер сам консенсус только стабилизировался (с. 210). В главе 5 он показывает, что в рамках реализации либеральной политики в отношении СПИДа госструктуры и пострадавшие активно продвигали такие практики, как «безопасный секс» и «безопасное употребление» [наркотиков – прим. пер.] (с. 264).

В последней части книги автор рассматривает «нормализацию СПИДа» в 1989–1995 гг. В шестой главе автор фокусирует внимание на том, что с конца 1980-х гг. широкая общественность перестала драматизировать болезнь и люди стали относиться к ней все больше как к рутине. В седьмой главе Хаус-Рыбицки констатирует, что в указанный период можно было наблюдать все возрастающую политизацию ВИЧ-положительных людей, но в то же время в движении гомосексуалов СПИД-активизм находил всё меньший отклик (с. 320f). На примере города Франкфурта-на-Майне в восьмой главе он иллюстрирует, что политика в отношении наркотиков менялась не всегда последовательно и без противоречий (с. 362сл).

Завершая свое исследование, Хаус-Рыбицки формулирует несколько ключевых выводов. В профилактике СПИДа он видит одно из долговременных последствий процессов либерализации «долгих» 1960-х гг.; вместе с тем он также описывает, как амбивалентно и противоречиво действовали в этой борьбе особенно государственные инстанции и как бросалась в глаза их готовность «защищать здоровье большинства, контролируя меньшинство» (с. 366). Следующий вывод касается трансформации подходов властей к определенным вопросам социальной политики и политики здравоохранения, проявившейся в контексте распространения СПИДа, – например, регулирование в сфере оборота наркотиков и секс-услуг (с. 370).

Данный труд выделяется на фоне прочей исследовательской литературы благодаря двум важным аспектам. Во-первых, Хаус-Рыбицки избирает в качестве одного из объектов исследования употребляющих наркотики людей и рассматривает их как категорию пострадавших от ВИЧ/СПИДа: до этого они оставались в исторических исследованиях практически незамеченными. За счет этого ему удается сломать господствовавший в ФРГ нарратив о ВИЧ/СПИДе, в котором до сих пор речь шла только о мужчинах-гомосексуалах. Во-вторых, в исследовании показано, как политика в отношении СПИДа в ФРГ влияла на

государственную политику в отношении наркотиков. Историю либеральной политики в отношении СПИДа в ФРГ осложняет тот факт, что основные принципы политики против наркотиков неоднократно менялись, колеблясь между стремлением ограничить ущерб и пропагандой воздержания. Помимо прочего, впервые в историческом исследовании самостоятельная активная роль в контексте ВИЧ/СПИДа отведена лицам, употребляющим наркотики, и их организации взаимопомощи – проекту JES (Junkies, Ehemalige, Substituierte – Наркоманы, Бросившие, Получающие заместительную терапию).

Много нового узнаем мы, взглянув и на местный уровень управления. Так, автору удастся свести воедино политические дебаты на уровне федерации, федеральных земель и/или муниципалитетов. Уже Федеральный закон по борьбе с эпидемиями (Bundesseuchengesetz), предшественник немаловажного и в коронавирусную пандемию Закона о профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями (Infektionsschutzgesetz), предоставлял муниципалитетам право самим определять меры по борьбе с инфекционными заболеваниями. Тот же город Франкфурт-на-Майне проводил в середине 1980-х гг. политику против СПИДа, вводя особенно сильные ограничения. Хаусу-Рыбицки удастся продемонстрировать, как сильно шаги на местном уровне могли отличаться от политических установок, диктовавшихся федеральными властями и руководством отдельных земель, развиваться в своей динамике и иметь решающее влияние на повседневную реальность людей, затронутых этими заболеваниями.

Сильная сторона этой работы заключается в том, что автор воспринимает группы затронутых проблемами ВИЧ/СПИДа людей всерьез и признает за ними самостоятельность и осознанность поведения (agency) при взаимодействии с государственными структурами. Так исследователю удастся осветить тесно переплетенные между собой отношения между носителями ВИЧ/СПИДа, деятелями движений и госорганами. Благодаря этому мы видим политику профилактики и борьбы со СПИДом не только под одним углом – как деятельность, реакции и реализацию власти политических сил, – но как взаимодействие различных групп. Однако из-за того, что автор концентрируется только на двух основных группах и на Франкфурте-на-Майне, остаются нерассмотренными такие аспекты политики в отношении СПИДа как, например, недоработки в профилактических мерах против ВИЧ/СПИДа применительно к людям, страдающим гемофилией, и как их следствие – так называемый «гемофильный скандал», или же роль, которую сыграл Мюнхен в развитии политики профилактики СПИДа в Баварии.

Себастиан Хаус-Рыбицки издал очень убедительный, захватывающий и легко читаемый труд. Ставя в центр внимания полемику вокруг ВИЧ/СПИДа, он знакомит нас со сложной картиной общества и политики в ФРГ, ин- и эксклюзивом отдельных ее граждан и групп, а также переменами, которые происходили в ней с 1981 по 1995 г.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)